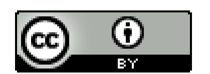
Lebedev, S.V. (2021). The struggle for the North-Western Region. Russian-Polish confrontation in Lithuania and Belarus (1795-1862). *Eastern European humanitarian collection of mini monographs. Collection of Scientific Articles. European Scientific e-Journal, 1* (7), 5-57. Hlučín-Bobrovníky: "Anisiia Tomanek" OSVČ. (in Russian)
Лебедев, С.В. (2021). Борьба за Северо-Западный край. Русско-польское противостояние в Литве и Белоруссии. 1795-1862 годы. *Eastern European humanitarian collection of mini monographs. Collection of Scientific Articles. European Scientific e-Journal, 1* (7), 5-57. Hlučín-Bobrovníky: "Anisiia Tomanek" OSVČ.

DOI: 10.47451/his2020-12-005
EOI: 10.11244/his2020-12-005

The paper is published in Crossref, Internet Archive, Google Scholar, Academic Resource Index ResearchBib, JGate, ISI, CiteFactor, ICI, eLibrary databases.

Sergey V. Lebedev
Full Professor, Doctor of Philosophical Sciences
Head of the Department of Philosophy
Higher School of Folk Arts (Academy)
St Petersburg, Russia
E-mail: servicleb@list.ru
ORCID: 0000-0002-7994-2660

The struggle for the North-Western Region. Russian-Polish confrontation in Lithuania and Belarus (1795-1862) (in Russian)

Abstract:
Although 225 years have passed since the third partition of the Polish-Lithuanian Commonwealth, after which Poland as a state disappeared from the map of Europe altogether, this historical event has not ceased to be relevant. The territorial component of the former Grand Duchy of Lithuania, which was part of the Polish-Lithuanian Commonwealth with some autonomy since 1569, is analyzed. The author of the article examines the most difficult question of the history of Lithuania and Belarus in the framework of the Russian-Polish confrontation. The article presents historical facts that are not popularized, but are extremely important for the critical analysis of political and cultural processes that took place in the North-Western Region in the 19th century. The author concludes that the persistent and ongoing struggle with varying success did not end with the victory of one of the parties, but only with the fact that the Polish side lost more, having lost a significant part of its influence on the inhabitants of the region.

Keywords:
North-Western Region, Lithuania, Belarus, Russian Empire, Kingdom of Poland, Grand Duchy of Lithuania, Szlachta, Vilna, St Petersburg.

Сергей Викторович Лебедев
профессор доктор философских наук.,
зав. кафедрой философии
Высшая школа народных искусств (Академия)

Санкт-Петербург, Россия
E-mail: servicleb@list.ru
ORCID: 0000-0002-7994-2660

Борьба за Северо-Западный край. Русско-польское противостояние в Литве и Белоруссии. 1795-1862 годы

Аннотация:
Хотя прошло 225 лет с третьего раздела Речи Посполитой, после которого Польша как государство вообще исчезло с карты Европы, это историческое событие не перестало быть актуальным. Анализируется территориальная компонента бывшего Великого княжества Литовского, которое с 1569 года входило в Речь Посполитую, обладая некоторой автономией. Автор расширенной статьи рассматривает сложнейший вопрос истории Литвы и Белоруссии в рамках русско-польского противостояния. В статье приведены исторические факты, которые не популяризируются, но являются крайне важными для критического анализа политических и культурных процессов, проходивших в Северо-Западном крае в XIX веке. Автор приходит к заключению, что упорная и ведущаяся с переменным успехом борьба закончилась не победой одной из сторон, а только тем, что польская сторона потеряла больше, утратив значительную часть своего влияния на жителей края.

Ключевые слова:
Северо-Западный край, Литва, Беларуссия, Российская Империя, Царство Польское, Великое княжество Литовское, шляхетство, Вильно, Санкт-Петербург.

Введение

Хотя прошло 225 лет с третьего раздела Речи Посполитой, после которого Польша как государство вообще исчезло с карты Европы, это историческое событие не перестало быть актуальным. Конец Речи Посполитой не стал «историей», которую с холодной отстранённостью профессионала изучают только историки. Мы вряд ли можем понять сущность событий, происходящих на территориях Польши, Литвы, Белоруссии, Украины за последние два века без учёта груза исторического наследия, оставленного прежней Речью Посполитой и, ещё в большей степени, борьбы за её восстановление. Особо подчеркнём, что речь идёт не об этнических польских землях, а о территории бывшего Великого княжества Литовского, которое с 1569 года входило в Речь Посполитую, обладая некоторой автономией.

Возникшие в ходе этой борьбы исторические мифы стали частью национального самосознания не только поляков, но и остальных жителей

прежней Речи Посполитой. Само возникновение украинцев и белорусов из территориальных групп русского народа в самостоятельные «нации», с во многом искусственными языками и почти полностью моделированной историей является следствием польских политических интриг по отрыву восточнославянского населения прежней Польши с целью восстановление польской власти над ними. Зато почти полная полонизация (ополячивание) литовцев не состоялось в значительной степени из-за стремления российской имперской администрации подорвать польское влияние в литовских землях, для чего и проводилась политика «позитивных действий», говоря современным языком в отношении простых литовцев, получивших благодаря этой политики образование, начавших создавать свою культуру и ставших нацией именно по этой причине. Только с учётом исторического наследия можно объяснить совершенно парадоксальную и самоубийственную политику Польши перед Второй мировой войной, а также и специфику польской русофобии. Причинами этой русофобии поляков являются не действительно реальные факты угнетения поляков в Российской империи, и не пресловутая Катынь, а именно обстоятельства исторического поражения Польши на востоке от реки Буг. Но при этом исторической памятью народов прежней Речи Посполитой объясняется не менее яростная полонофобия украинцев, белорусов и литовцев. Таким образом, данная тема остаётся актуальной.

Исследователи основательно изучили фактическую сторону развития территорий прежней речи Посполитой в составе Российской империи. Однако, напомним, история всегда пристрастна. И особенно пристрастна она в оценках событий именно этих земель. Националистические историки пытаются найти свидетельства своей «национальной» борьбы за самостийность. С точки зрения многих польских историков, в несчастьях Польши и поляков виноваты все державы вокруг. Российские историки до революции вынуждены были не замечать факты бездарного, а порой и преступного поведения высшей администрации империи в управлении западными губерниями России. Советские историки обязаны были восхвалять «борьбу с самодержавием», даже если её вели самые натуральные крепостники. Советские лидеры в 1920-30 годы, руководствуясь лозунгом «Сломать хребет русскому великодержавному шовинизму», спешно раскалывали русскую нацию, создавая новые «нации» украинцев и белорусов. Следовательно, приходилось не только ускоренно создавать особый литературный язык, но также и моделировать «историю» новоявленных «наций» в современном уже понимании. Соответственно, необходимо было «научно доказать» отдельность

белорусов и украинцев. История Литовского княжества как нельзя лучше подходила для этого обоснования. В Польше, естественно, старались как можно больше удлинить историю Речи Посполитой, приплюсовав историю Литвы к польскому историческому пути. И, наконец, литовцы, испытывающие некоторые комплексы «малочисленных наций», вдохновляют себя воспоминаниями о своём великом прошлом, объявляют себя потомками создателей Великого княжества Литовского, скромно умалчивая о том, что к данному политическому образованию их предки имеют такое же незначительное или условное отношение, как корсиканцы к наполеоновской Франции.

Таким образом, без учёта давних исторических обстоятельств в отношении земель прежней Речи Посполитой мы не можем судить о социальном, экономическом и культурном развитии четырёх стран Пост-Речи Посполитой.

1. Новые подданные России

В 1795 году был осуществлён окончательный раздел Польши. Речь Посполитая, детище Люблинской унии, прекратила существование. Россия возвратила себе русские земли Белой, Чёрной, и большей части Малой Руси. Но всё это было только началом русско-польской борьбы за эти земли. Данная борьба имеет такие последствия, как сам факт существования Украины и Белоруссии. Так что считать, что вся борьба завершилась полной победой, по факту, является чрезмерно оптимистической.

Для исследователя определённую трудность представляет несовершенство употребляемой в те времена терминологии. В частности, в прошлом достаточно широко использовались понятия «литвин». Название связано с наследием Великого княжества Литовского (далее – ВКЛ). Существует более десятка применений понятия «литвин» в прошлом и настоящем. Наиболее распространённые среди них следующие:

1. Обозначение всех жителей ВКЛ независимо от этнической и религиозной принадлежности. Если же надо было подчеркнуть свою этническую особенность, то православные славяне называли себя русинами, или русскими, а язычники (а затем католики) из балтских племён назывались жмудью (от названия самого крупного из литовских племён жемайтов). Поскольку католицизм ассоциировался с Польшей, то католики как балтского, так и славянского происхождения, называли себя «поляками». Всё это приводило порой к таким самоопределениям местных жителей, как «мы литвины веры польской, а языка русского». Эти

обозначения сохранились и после объединения ВКЛ с Польшей в Речь Посполитую, даже во времена Российской империи для обозначения жителей ряда уездов губерний Северо-Западного края с преобладанием католического населения вплоть до конца XIX столетия. Поскольку католики-литвины составляли меньшинство в Белоруссии, то неудивительным было стремление части литвинского шляхетства к восстановлению Речи Посполитой, чтобы вернуть себе господство над краем. Это обстоятельство приводило к активному участию католической литвинской шляхты на территориях современных Литвы Белоруссии в польских восстаниях. Следует заметить, что литвины в Российской империи чётко отделяли себя от «короняжей» (коронников, то есть этнических поляков из земель Царства Польского).

2. После возрождения Польши в 1918-1939 годах литвинами официально назывались все жители Западной Белоруссии, независимо от языка и вероисповедания. Вся территория Западной Белоруссии и Виленщины официально именовались Срединной, Верхней и Нижней Литвой. Лишь после окончательного воссоединения Белоруссии в рамках единой советской республики понятие «литвин» стало считаться обозначением католиков, или «белорусских поляков».
3. В официальных документах Речи Посполитой и Российской империи до 1863 года не было различий между понятиями «литовец» и «литвин». По этой причине даже в научной литературе XIX века порой встречались высказывания «природные литвины» для обозначения этнических литовцев. Лишь после усмирения польского мятежа 1863 года и реформ графа М.Н. Муравьёва в Северо-Западном крае окончательно утвердилось понятие «литовец» для обозначения представителя этого этноса.
4. Литвинами назывались переселенцы из Белорусских губерний, перебравшиеся за пределы прежнего ВКЛ, в частности, в Черниговскую губернию, (где и в наше время существует территориальная субэтническая группа черниговских литвинов), а также в Сибирь.
5. В настоящее время литвинами считается территориально-конфессиональная группа белорусов, исповедующих католицизм. В основном, католики проживают в Гродненской области. В силу того, что католицизм считается «польской верой», литвинов нередко учитывали в переписях как поляков. Но, в большинстве своём, католики Белоруссии остаются белорусами. Показательно, что согласно республиканской переписи 2009 года, поляков насчитывалось 294.549 человек, что

составляло 3,1% населения Белоруссии. Из них только 5,38% (15.584 человека) в семье говорят по-польски. Для половины белорусских католиков родным языком является русский язык, остальные в основном беларусоязычны. Парадоксальным образом, среди «поляков» процент тех, кто считает родным языком белорусский, выше, чем среди самих белорусов. Причина понятна – «поляки», или литвины Белоруссии, являются белорусами, отличающиеся от остальных белорусов и остальных восточных славян только своей религией.

6. «Литвинами», или «литвинистами», называют себя активисты русофобского политического движения бандеровского типа в Белоруссии.

Итак, на землях прежней ВКЛ в XIX веке проживали: говорящие на балтском языке исповедующие католицизм литовцы, говорящие по-польски и (значительно чаще) по-белорусски, исповедующие католицизм литвины, беларусоязычные православные, обычно называвшиеся тогда русинами. Помимо этого, весьма в значительном количестве проживали евреи (т.н. «литвяки»). Они говорили на идиш и имели свои особенности жизни и быта, отличавшие от других евреев Европы. Все эти территории в Российской империи официально именовались Западным краем. Он включал в себя девять губерний: Виленскую, Ковенскую, Гродненскую, Минскую, Могилёвскую, Витебскую, Подольскую, Волынскую и Киевскую. При этом, как отмечается в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона, «преимущественно под З[ападным] краем разумеют первые 6 сев[еро]-зап[адных] губ[ерний]» (Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, 1894). Эти северо-западные губернии и были ранее землями ВКЛ.

В первой половине XIX века дворяне прежних земель ВКЛ лелеяли память и традиции былой государственности. Они называли себя одновременно и литвинами, и поляками. При этом понятие «литвин» для шляхты означало только определённую местность старой Польши типа Мазовии или Познанщины. В землях ВКЛ поляки представляли собой правящее этническое меньшинство, которое в принципе могло «утонуть» в море местных народов – литовцев и белорусов. Именно этим вызвано то, что «литвины» были основной движущей силой всех антирусских восстаний и заговоров за всё время Российского владычества над этими территориями. В этнических польских землях для шляхты такого опасения не существовало. Неслучайно самый известный польский националист в истории и литвин по происхождению маршал Юзеф Пилсудский, став правителем Польши, по

свидетельству его адъютанта М. Лепецкого, как ни странно для современного поляка, весьма презрительно отзывался о «короняжах» – поляках из собственно Польши, используя для их обозначения слово «привисляне». (Привислянским краем в Российской империи называлась этническая Польша).

Неразбериху в понятиях усиливали административные границы. Первоначально все присоединённые к России в 1795 году земли составили Литовскую губернию. В 1801 году эти территории разделили на две губернии – Виленскую и Гродненскую. В состав обеих губерний входили районы с многочисленным восточнославянским населением, абсолютно преобладающим в Гродненской губернии. В 1843 году была создана отдельная Ковенская губерния, в населении которой преобладали жмудины. Понятие «Литва» сохранялось за территориями всех этих губерний. Но при этом территории т.н. Занеманья (на левом берегу Немана) которые при разделе Польши отошли к Пруссии, затем подчинялись созданному Наполеоном Герцогству Варшавскому и стали российскими только 1815 году, к «Литве» не относились хотя там проживало многочисленное литовское население.

Таким образом, балтоязычные крестьяне пока не имели этнического самосознания. Их кругозор ограничивался только соседними деревнями. Литовцы разговаривали на различных диалектах. Они не сохранили никаких воспоминаний о прошлом ВКЛ, только язык оставался исконным балтским. Чёткой границы между славянским и балтским населением тогда не было. В результате определить этнографические границы проживания литовцев белорусов и поляков было достаточно сложно.

2. Попытки интеграции шляхетства в российское дворянство

Многовековое раздельное существование Великой и Белой Руси, и господство в последней резко враждебной России польской католической элиты, невероятно осложняли естественный процесс слияния. Польское шляхетство не оставило надежды на восстановление прежнего, столь любезного ей порядка Речи Посполитой. Суть всех русско-польских взаимоотношений вплоть до 1917 года и причина всех польских восстаний и заключались в борьбе за «Литву», т.е. земли прежнего ВКЛ, и прочих восточнославянских (малороссийских) земель восточнее этнических польских земель. По иронии истории, вековечный спор за «Литву» России с Польшей принял особенно острый и кровавый характер именно после исчезновения Польши с политической карты мира.

В Петербурге достаточно долго предпринимали попытки привлечь шляхту на свою сторону. Почти все магнаты и шляхтичи получили равенство в правах с российским дворянством (кроме непримиримых эмигрантов). Многие магнаты сделали в Петербурге карьеру. Так, первым министром иностранных дел России после создания этого министерства стал князь Адам Чарторыйский. Лукавый князь, потомок старинного русского рода, который, впрочем, уже 200 лет был католическим, пользуясь дружбой с императором Александром I, стремился постепенно воссоздать Польшу в прежних границах.

В литовских и белорусских губерниях (а также на правобережной Украине) языком делопроизводства оставался польский, в руках католической церкви оставалась вся система просвещения, а законы основывались на Литовском Статуте 1588 года.

Впрочем, основным фронтом русско-польского противостояния была культура и образование. В национальных окраинах Российской империи сохранялись местные особенности в организации школьного дела. Хотя нередко это только способствовало повышению общей культуры местного населения. Однако во многих случаях местная система просвещения способствовала региональному сепаратизму, воспитывая в местных жителях антирусские настроения. Это особенно сильно проявлялось в западных губерниях, некогда входивших в состав Речи Посполитой, где вплоть до пореформенных времён местное образование находилось в руках католической церкви, воспитывавшей в местных белорусах и украинцах русофобию и «полонизм». В Белоруссии и правобережной Украине до 1830-х годов русских школ не было вовсе. Доходило до таких парадоксов, как использование польского языка в качестве языка преподавания в православных духовных семинариях на правом берегу Днепра. В первой половине XIX века для украинца и белоруса получение образования означало принятие католичества и добровольное ополячивание. Не случайно через несколько десятилетий после падения Польши ополячивание восточных славян шло несравненно более быстрыми темпами, чем за несколько веков пребывания в составе Речи Посполитой. Для этнических литовцев, исповедующих католицизм, в первой половине XIX века ополячивание шло особенно стремительно. Правда оставались языковые сложности в окончательном слиянии литовцев с поляками, но эта проблема оказалась решаемой благодаря развитию системы образования на польском языке. Из числа ополяченных восточных славян и литовцев вышел целый ряд вождей польского

националистического движения и большинство деятелей культуры. «Полонизм» был привлекателен и для многих русских дворян в западных губерниях.

Польские католические учебные заведения в западных губерниях долгое время пользовались покровительством официального Петербурга. Центром польской культурной пропаганды стал Виленский учебный округ, попечителем которого долгое время был А. Чарторыйский. Уже в 1803 году был открыт Виленский польский университет (в самой Варшаве свой университет был создан в 1817 году).

Строго говоря, хотя формально основанием университета считается 1579 год, когда была создана академия иезуитов, но это была преимущественно религиозная школа. В 1773-1803 гг. на базе иезуитской академии существовала Главная Литовская школа. Но только с 1803 года, с указа императора Александра I о создании университета можно говорить о создании «настоящего» университета в Вильне. Языком преподавания стал польский язык. Это было в духе царственного космополита Александра I. В России в 1803 году было 3 университета – русский в Москве, немецкий в Дерпте и польский в Вильно. В первое десятилетие своего существования Виленский университет был самым крупным в Российской империи, превосходя количеством студентов университет в Москве. Он был самым богатым среди всех российских университетов, получая от казны примерно вдвое больше остальных. Впрочем, если ранее университет был прибежищем средневековой схоластики, то теперь он стал центром польского национализма. Не удивительно, что в 1812 году, в период захвата города Наполеоном, треть студентов примкнула к польским частям Великой армии. Благодушный император Александр I предпочёл простить всех «заблуждавшихся» поляков. Университет продолжал работать. В 1815 году в университет поступил сын мелкого виленского шляхтича из-под города Новогрудок (бывший Новгородок, столица Чёрной Руси) Адам Мицкевич. Кстати, регистрируясь в официальных бумагах, будущий великий польский поэт писал своё имя как «Адам Наполеон Мицкевич». Понятно, что родившийся в 1798 году шляхтич не мог получить при крещении имя Наполеон. Указав такое имя, молодой поэт просто демонстрировал фронду. Это баловство сошло ему с рук. В период польского восстания 1830-1831 годов многие студенты примкнули к мятежникам. После разгрома мятежа университет был закрыт. Но это случилось позже, а пока университет готовил кадры революционеров.

Разумеется, попытки ополячивания не ограничивались только Литовскими территориями. Так, польские магнаты, используя благоприятное отношение императора Александра вели активную культурную работу в Малороссии. В 1805 году на Волыни был создан Кременецкий лицей, превратившийся в центр польского национализма на Украине. Содержался лицей на средства российского правительства и пожертвования меценатов. Лицей имел свою астрономическую обсерваторию, ботанический сад. В библиотеке было собрано свыше 34 тысяч томов, среди которых были уникальные рукописные и первопечатные издания. В учебной галерее висели полотна Рафаэля, Рубенса и других выдающихся художников. Правда, происхождение этих полотен было не очень почётное – их подарил один из попечителей лицея Джевицкий, участник итальянского похода Наполеона, который стал известен тем, что промышлял в Италии грабительством картины (Бовуа, 2011). Не удивительно, что в 1830 году, во время польского восстания, поголовно все лицеисты, в том числе и волынские православные, попавшие под их влияние, примкнули к мятежникам. После усмирения мятежа лицей был закрыт.

Но если Волынь, присоединённая к России только в 1795 году и имевшая значительное польское население, ещё как-то могла считаться «польской» территорией, то польские стремления к присоединению земель, входивших в состав ВКЛ задолго до разделов, могут считаться показателями размаха политических игр польских элит. Показательным примером можно считать попытки незаметного присоединения малороссийских территорий восточнее Днепра, где всё польское со времён Хмельницкого уже исчезло.

После крушения Речи Посполитой в Киев стали переселяться польские помещики с правого берега Днепра. В результате, парадоксальным образом, Киев стал одним из крупнейших польских городов мира. Ещё в 1812 году в Киеве возникла Первая гимназия с польским языком обучения. В первой половине XIX века в культурном отношении Киев был наполовину польским городом. В университете святого Владимира большинство преподавателей и студентов также были поляками. В учебном 1838-1839 году поляки составляли 62,5% всех студентов Киевского университета. Строились католические костёлы, издавались польские газеты. В созданном в 1804 году Харьковском университете, преподавание первоначально так же велось по-польски, хотя Слободская Украина, центром которой был Харьков, вообще никогда не входила в состав Польши.

Понятно, что польская пропаганда в землях этнической Литвы и ряда белорусских уездов с преобладанием католического населения практически не встречала противодействия.

Таким образом, в польских школах, вузах, книгах и газетах открыто велась пропаганда восстановления Речи Посполитой в границах, далеко отстоящих от этнографической Польши. При этом в польско-католическом духе воспитывались молодые поколения местного русского (малорусского и белорусского) населения. В своих мемуарах А. Чарторыйский, говоря о своей деятельности на посту попечителя Виленского учебного округа, честно признавал: «Несколько лет спустя вся Польша (имелись в виду белорусские и украинские земли, входившие в состав Речи Посполитой до разделов – авт.) наполнилась училищами, в котором польское национальное чувство могло совершенно спокойно развиваться... Данное мною направление никого тогда не поражало; только впоследствии оно возбудило против себя негодование русского общества, но тогда император ему великодушно покровительствовал... Само собою разумеется, что я воспользовался счастливым расположением государя и главное мое усилие на народное образование, которому я дал национальный характер» (Белоруссия и Украина. История и культура. Ежегодник, 2003). Высокий уровень образования в западных губерниях только способствовал подрыву российского влияния в крае.

3. 1812 год в литовских землях

В целом стремление официальных властей империи интегрировать местную элиту в состав российского дворянства имела ограниченный успех. Это проявилось уже в 1812 году. При любой возможности ополяченные потомки ренегатов пытались силой оружия вернуть себе всю власть над православными. Когда Наполеон вторгался в России, то ближайшими его союзниками было польское шляхетство. Надежды шляхты казались небеспочвенными. Наполеон нуждался в плацдармах и пушечном мясе, поэтому он с охотой раздавал различные обещания, переполненные словами «свобода» и «независимость» в своих интересах. Многие польские военные после разгрома 1794 года бежали во Францию, которая в то время вела войны против всех европейских государств. Французы отстаивали идеалы революции 1789 года и боролись за охранение территориальной целостности своей страны. Польские эмигранты-шляхтичи в большинстве своём были готовы сражаться за возврат своего господства над крестьянством на землях, которые

далеко отстояли от этнической Польши. Разбрасываться несколькими десятками тысяч солдат власти Франции не стали и на территории Италии, только что завоёванной генералом Бонапартом: стали формировать польские воинские части известные как легионы. Эти легионы сражались с русскими в Италии в 1799 году, усмиряли бунт негров-рабов на Гаити, воевали с партизанами в Испании.

В 1807 году после разгрома Пруссии Наполеон создал полуавтономное польское государство – Герцогство Варшавское. Это небольшое образование охватывало исконные польские этнические земли. В стране был введён Кодекс Наполеона (кодекс гражданского права Франции), крестьяне получили свободу. Однако, она была без права собственности на землю и права покидать место жительства и своё хозяйство без ведома землевладельца, т.е. абсолютно усечённое и прогматичное, не более, чем пиар-кампания, выражаясь современным языком. Фактически сохранялась барщина, так как отказ от неё был равен риску оказаться согнанным с земельного надела. Сами поляки расценивали Герцогство как ядро будущей возрождённой Польши в границах 1772 года (до разделов), а может быть и ещё более дальних. В 1809 году Наполеон в очередной раз победил Австрию и присоединил к Герцогству территории Галиции.

Поэтому не стоит удивляться воцарившемуся среди поляков культу Наполеона, сохраняющегося до сих пор. Однако Наполеону пришлось иметь дело с поляками. Иметь государство, ограниченное лишь этническими границами расселения польской нации, было для шляхтичей оскорблением. Смыслом существования Герцогства Варшавского отчасти стала подготовка похода в Россию с целью возвращения «Забранного края» (‘zabrany’, так стали поляки называть западные губернии России, входившие ранее, до начала разделов в 1772 году, в состав Речи Посполитой). В русских документах отошедшие к России после падения Польши западные губернии именовались без всякой фантазии Западным краем. Позднее это край был разделён на Северо-Западный край, включавший в себя литовские и белорусские территории, и Юго-западный край – правобережную Украина. До 1772 года, т.е. до разделов, Западный край административно составлял 8 воеводств Речи Посполитой, а в польской литературе иногда писали просто о «восточных воеводствах».

Разумеется, все польские устремления к «возврату» «забранного края» вполне устраивали Наполеона. Он понимал, что поляки будут ему верны, надеясь с помощью его Великой армии отобрать у России прежние восточные

«крейсы» (окраины). Однако даже сам Наполеон был удивлён прытью поляков, умолявших отправиться войной на восток. Бравый генерал Михаил Сокольницкий в начале 1812 года подал рапорт Наполеону, в котором говорилось: «поляки все готовы пролить кровь за Наполеона… чтобы освободить человеческий род от России… и навсегда преградить дорогу в Европу для империи Тьмы… Пусть великий Наполеон услышит крики и чаяния Польши. Все слои населения надеются и доверяют только мстящей руке Великого Наполеона» (Бокур, 2005).

Идея Сокольницкого, Костюшко и других поляков заключалась в том, чтобы сделать из Польши обширное государство от Балтики до Чёрного моря вдоль границы с Россией, представляющее федеративное государство, имеющее ту же конституцию, что и Польша, и находящееся под её непосредственным протекторатом, под единым управлением Великого императора. Шесть или семь герцогств должны были бы организованы таким образом: Ливонское, Полоцкое, Смоленское и т.д. Поэтому, сокращённая, скорее разрушенная, отброшенная от Балтики и Чёрного моря, отделённая от Великой наполеоновской империи воинственным Польским государством и его герцогствами, армии которых были бы всегда готовы отразить всякую агрессию, Россия была бы вынуждена отказаться от любых планов выступить против Наполеона (Бокур, 2005). Оторванные от действительные эмигранты всерьёз верили, что жители прежних «кресов» немедленно восстанут ради возвращения доброго польского пана. Сокольницкий с искренней убеждённостью писал: «Все поднимут руки, чтобы содействовать победе; не останется ни одной области, от Риги до устья Днепра, которая не превратилась бы в вулкан, как только Наполеон это прикажет» (Бокур, 2005).

Наполеон не давал никаких конкретных обязательств, но двусмысленно обещал полякам, как сообщал в марте 1812 года русский агент из Варшавы, что «край их распространит он так, что обширность оного будет гораздо более, нежели каковая была при короле Станиславе» (Польша и Россия в первой трети XIX века, 2010).

Между тем, польские деятели умело действовали внутри Российской империи. Так, Михаил Клеофас Огинский, автор известного полонеза «Прощание с Родиной» (или просто полонез Огинского), после разгрома восстания Костюшко бежал за границу. Там он вёл бурную деятельность среди эмигрантов. В 1807 году он встречался с Наполеоном, которого (как, впрочем, и все удостоенные аудиенции у императора поляки) умолял срочно начать войну с Россией: необходимо вернуть «свободу Польши» (т.е. конфискованные

панские имения). Но поскольку Наполеон был реалистом в политике, то он, обнадёживая поляков всякими словами, не торопился воевать с русскими. Тогда Михаил Клеофас вернулся в Россию и получил прощение. Его имения были возращены. Более того, он стал сенатором Российской империи. Этот исторический урок пошёл впрок – Огинский понял, что против России лучше не бунтовать открыто. Он, а также князь К. Любецкий и граф Л. Плятер, представили в 1811 году Александру I проект «Положения о правлении автономным Великим княжеством Литовским», которое должно было включать Виленскую, Гродненскую, Минскую, Витебскую, Могилевскую, Подольскую, Волынскую, Киевскую губернии, а также Белостокскую и Тернопольскую области под управлением местной польской знати. В «проекте» предлагалось управление ВКЛ поручить наместнику российского императора и административному совету из представителей местного населения под председательством наместника. Также в «проекте» определялись предметы ведения административного совета, говорилось о продолжении действия Литовских Статутов, юрисдикции Высшего Литовского трибунала как последней инстанции по всем гражданским и уголовным делам. Вопросы применения смертной казни и помилования должны были находиться в ведении восстановленного ВКЛ. Единственным официальным языком должен был быть польский язык. Как видим, речь шла о создании примерно того же, что представляло собой Герцогство Варшавское.

Император Александр этот проект отверг, но сохранил свою политику благодеяния для польской аристократии западных губерний. Это было не очень дальновидно. В 1812 году, в ожидании неизбежной войны с Наполеоном, император Александр с большой свитой прибыл в Вильну. Почти каждый день в городе давались спектакли, устраивалось сразу по несколько балов, возникали романы, порой даже кончавшиеся дуэлями или, что, конечно, значительно лучше, браками. Император внёс на устройство балов значительные суммы и так говорил устроителям: «Если вы хотите устроить праздник, то старайтесь, чтобы он вышел блестящим, потому что виленские дамы знатоки в этом деле». Именно на балу в Вильне 12 (24) июня 1812 года Александр узнал о вторжении Наполеона.

В июне 1812 года, начиная вторжение в Россию, в приказе по армии по случаю начала войны, Наполеон объявил: «Вторая польская война началась!». Первой польской войной Наполеон называл войну 1806-1807 годов против Пруссии и России, закончившуюся Тильзитским миром. Вторая война вошла в историю России как Отечественная война 1812 года.

Территории этнической Литвы были заняты уже в первые дни войны. Первым городом, занятым наполеоновскими войсками, была Ковна (Ковно). Через несколько дней Наполеон был уже в Вильне. При этом если в глубинной России завоеватели натолкнулись на всенародную войну, то в западных российских землях все было более сложно. Нельзя не признать, что Наполеон встретил в Литве достаточно массовую поддержку со стороны местной губернской элиты. Большинство шляхты с энтузиазмом встречала наполеоновские войска. Лишь некоторые аристократы, включая уже сражавшегося с русскими и битого ими композитора Михаила Клеофаса Огинского (того самого автора знаменитого полонеза) сохранили верность присяге российскому императору.

Вильна была взята французами без сопротивления уже 16 (28) июня. Польское население литовской столицы встречало их с радостью и восторгом. «Трудно передать волнение, – вспоминала польская графиня София Шуазель-Гуфье (урожденная Финценгаузен), – которое я испытала при виде поляков, которые бежали во весь опор, сабли наголо, но с весёлым видом, махая своими флагами национальных цветов, которые я видела впервые.… При виде этих истинных соотечественников сердце моё умилилось. Я почувствовала, что родилась полькой, что сознание это вновь пробуждается во мне, слезы радости и энтузиазма залили моё лицо. Это была чудная минута, но она промелькнула как миг. Всюду царило общее опьянение. Во всём городе раздавались торжествующие клики» (Польша и Россия в первой трети XIX века, 2010). Один из восторженных шляхтичей, при виде вступающих французских войск даже умер от полноты чувств. Гораздо меньше восторга испытывало основная часть виленских обывателей и крестьян края. Впрочем, помимо восторженной графини свои воспоминания о вступлении наполеоновских войск и другие очевидцы. «Наш полк шёл в параде с музыкой во главе, но я не видел следов радости от нашего появления. Улицы почти пустые, дома и лавки закрыты, немного молодёжи на улицах и несколько сорванцов бегало вокруг наших коней, крича «виват!». Осторожность и боязнь жителей окатила нас горечью... фуражиры в пустых хатах крали и уничтожали всё, что там было», — так писал А. Розвадовский, поручик 8-го уланского полка, который первым вступил в Вильну (Артамонов, 2014). Французский генерал Арман де Коленкур вспоминал о вступлении в Вильну: «хотя двор, штаб, гвардия и все, что указывало на его [Наполеона] присутствие, обосновались там, население ровно ничем не проявляло любопытства, никто не выглядывал из окон, не

наблюдалось никакого энтузиазма, не видно было даже обычных зевак» (Коленкур, 1994).

Необходимо отметить, что энтузиазм местного польского населения угас очень быстро. Грабежи и мародёрство французов сразу охладили чувства профранцузски настроенной части местного населения.

Первое боестолкновение между русскими и французами произошло 27 июня под Вилькомиром (Укмерге).

Наполеон стремился привлечь симпатии местного общества (разумеется, в то историческое время только польского шляхетства). Не случайно, первым в Вильну вступил польский полк Доминика Радзивилла, адъютанта Наполеона, представителя знаменитой фамилии литовских магнатов. Впрочем, главной причиной перехода Радзивилла, как и ряда других польских магнатов, на сторону французов было стремление избавиться от огромных долгов, что было логичным и имеет историческую практику до сих пор. Главным комендантом города Вильны Наполеон назначил генерала Генриха Жомини, швейцарца по происхождению, который затем перешёл на сторону русских и больше полувека честно служил России. Но наряду с чисто французской оккупационной администрацией Наполеон пытался создать ещё органы власти из местных коллаборационистов. 19 июня (1 июля) 1812 года в Вильне Наполеон создал что-то вроде временного местного правительства. Официально оно называлось Комиссия временного правительства в Великом Княжестве Литовском (Komisja Rzadu Tymczasowego w Wielkim Ksiestwie Litewskim). Комиссия состояла из местной знати. Вероятно, с целью найти хотя бы единственного члена, который бы относился бы к тому, что можно было назвать «третьим сословием», в состав Комиссии был введён известный астроном, профессор Ян Снядецкий из Виленского университета. Сама комиссия не имела реальной власти и полностью контролировалась французской администрацией. Католическая церковь также восторженно поддержала завоевателей. Епископ Самогитии (Жемайтии) Юзеф Арнульф Гедройц в своём послании наставникам приходов от 5 августа 1812 года предписал прихожанам необходимость повиновения своим помещикам и Наполеону.

Тем временем, власти Великого Герцогства Варшавского (марионеточного государства в Польше, созданного Наполеоном в 1807 году) поторопились провозгласить восстановление Речи Посполитой в прежних границах 1772 года. Чрезвычайный сейм Герцогства, созванный в Варшаве в связи с началом войны, 16 (28) июня провозгласил себя Генеральной

конфедерацией Речи Посполитой, а Польское Королевство – восстановленным. Маршалом (председателем) конфедерации был избран князь Адам Чарторыйский, постоянным органом руководства стал Генеральный совет в составе 11 членов.

Генеральная конфедерация опубликовала воззвание к гражданам бывшей Речи Посполитой, состоявшим на военной и гражданской службе российского правительства, призвавшее их обратить свои усилия против России. В Акте Генеральной конфедерации содержался призыв присоединяться к Наполеону, чтобы скорее наступил счастливый миг, «когда братская Погонь рядом с Белым орлом снова украсят рыцарские щиты и знамёна, когда на тучных нивах Волыни, на просторных равнинах Подолья и Украины также будут раздаваться радостные возгласы: "Да здравствует Отчизна! Да здравствует Польша"» (Польша и Россия в первой трети XIX века, 2010).

Наполеон, впрочем, рассчитывая договориться с Россией, эту инициативу своих сателлитов не поддержал. В общем, в 1812 году некие никем не уполномоченные и ничем не распоряжающиеся деятели провозгласили присоединение края к другой стране – Польше. В 1941 году такие же никем не уполномоченные и ничем не распоряжающиеся политические деятели провозгласили независимость Литвы, т.к. провозглашение государственности не получило необходимую для данного типа акта поддержку в мире. В обеих случаях эти торжественные декларации не имели никакого значения.

В Вильне Наполеон издал декрет о создании вооружённых сил княжества. Разумеется, этим вооружённым силам предстояло выступить на стороне Наполеона, поэтому из французской казны было выдано 500 тысяч франков для первоначальных расходов по формированию литовского войска. Согласно декрету императора, предстояло сформировать 5 пехотных полков по 3 батальона из 6 рот в каждом и 4 кавалерийских полка по 4 эскадрона из 2 рот в каждом. Начался набор рекрутов, сопровождавшийся насилиями и произволом. Собрать войско так и не удалось. Добровольцев встать в строй под Наполеоновским знаменем было мало, да и боевые качества этих энтузиастов были невысокими. Примерно 600 литвинов из числа пленных и дезертиров из русской армии не могли составить никакой боевой единицы. Насильственная мобилизация рекрутов также натолкнулась на повсеместный бойкот. Хотя формально под ружье было поставлено 12 тысяч жителей западных российских губерний, большинство «полков» и «бригад» этих вооружённых сил существовали на бумаге.

Те немногие подразделения, которые более или менее напоминали воинские части, не проявили никаких подвигов на полях сражений. Так, например, 3-й гвардейский уланский полк из виленских поляков, сформированный бригадным генералом Яном Конопкой, литвином по происхождению из Слонима, отличившимся в войне в Испании в составе польских частей Наполеона, был почти полностью уничтожен 20 октября в его родном Слониме русским рейдовым отрядом генерал-майора Е.И. Чаплица, между прочим, поляка по происхождению. Сам генерал Я. Конопка при этом попал в плен (Артамонов, 2014). 22 пехотный полк Великой армии под командованием Чапского, в котором также служили литвины, был разгромлен под Койдановым (недалеко от Минска).

Не менее показательные и другие цифры. Многие аристократы из числа шляхты бывшего ВКЛ поступили на службу в русскую армию. Доля офицеров польского, преимущественно литвинского происхождения, в Русской армии в 1812 году, составляла до 3,5%, т.е. около шести сотен офицеров из 17.139 человек русского офицерского корпуса. До 1814 года среди генералов русской службы 14 были польского происхождения, из которых наиболее известными были генерал от кавалерии А.П. Ожаровский, генерал-лейтенант И.Я. Пржибышевский, генерал-лейтенант Е.И. Чаплиц, генерал-майор К.А. Крейц и др. (Артамонов, 2014). В Польском и Литовском уланских полках, созданных на базе частей прежней армии Речи Посполитой, а также в Гродненском гусарском полку, среди офицеров преобладали поляки. И практически все они сохранили верность присяге.

Из литовских татар вскоре после присоединения Литвы к России был сформирован Татарский уланский полк. В 1812 году татарские уланы под командованием остзейца Карла Кнорринга (сына Богдана Кнорринга, взявшего в 1794 году Вильну) лихо действовали как партизаны в тылу наполеоновских войск.

А ведь Наполеон, да и варшавские поляки весьма рассчитывали на привлечение под наполеоновские знамена своих соплеменников. Наполеоном лично был продиктован опубликованный в «Литовском курьере» 25 июня (7 июля) призыв к русским военным из числа поляков «сорвать подлые мундиры, отомстить кровью за унижение Отчизны и плечом к плечу с цивилизованными народами навечно возвести нерушимую стену против азиатской дичи» (Артамонов, 2014). Но общее число перебежчиков за всю войну насчитывало лишь несколько десятков человек. Служебный этос русского офицера для литвинов в русском мундире оказался сильнее всех пламенных призывов о

защите «цивилизации». И при этом необходимо учесть, что многие русские офицеры польского происхождения имели родственников и знакомых, которые сражались на стороне врага. Поэтому, если немалая часть литовского дворянства переметнулось было на сторону Наполеона, то служившие в русской армии сыновья этих дворян сохранили верность присяге и честно выполнили ратный долг.

Таким образом, население бывшей территории Великого княжества Литовского не встало как один под русский флаг, но и не проявило энтузиазма в отношении Наполеона. Неслучайно в Вильне он произнёс свою известную фразу: «Эти поляки не такие, как в Варшаве». Позднее, в период своего похода на Россию, Наполеон назвал жителей Литвы «равнодушными зрителями великих событий, совершающихся вокруг них». Думается, что это определение наиболее полно соответствовало исторической истине.

В Вильне под французской оккупацией 9(21) сентября была отслужена благодарственная месса по случаю взятия Москвы, состоялся парад только что созданных литовских воинских частей. На ряде домов города развесили картины, на которых польский и французский орлы рвут на части двуглавого русского орла. Впрочем, уже очень скоро виленцы поняли, что всё меняется.

6 декабря 1812 года Наполеон, удирая от русских войск, вновь оказался в Вильне, проехав город без остановки. Вскоре Вильна была заполнена отступающей французской армией. Впрочем, это была уже не армия, а скопище мародёров, грабивших всё на своём пути, чтобы не только прокормиться и выжить, но и увезти во Францию хоть что-нибудь, что могло компенсировать их потери в кампании. Через три дня остатки французов вместе с несостоявшимся «правительством» бежали дальше на запад. Но вот показательно отношение виленских аристократов к происходившим событиям. Они в полной уверенности, что Наполеон покорит Россию, развлекались на балах. Однако, польской элите не в первый раз пришлось терять свою страну на балах. Военачальник и дипломат императора Арман де Коленкур так описывал своё прибытие в Вильну в ноябре 1812 года: «…в то время как одни мёрзли и умирали, другие танцевали на балах! Жители Вильно далеко не представляли себе ни нашего положения, ни того, что произошло, ни того, что должно было случиться» (Коленкур, 1994). Французы бросили в Вильне 20 тысяч раненных и больных, включая 7 генералов. Зато успела сбежать «Комиссия Временного правительства Литвы». Вплоть до лета 1813 года эта «Комиссия» проводила заседания в Варшаве, а затем в Дрездене. Разумеется, как и все «правительства в изгнании», она ничего не решала и

ничем не руководила и вообще большинство современников просто не знало о её существовании.

В Вильну в скором времени прибыл Александр I. Своё неудовольствие поведением польской аристократии выразил очень серьёзным наказанием, отказавшись посетить бал, устроенный ради него местным «высшим обществом». Впрочем, вскоре победитель смягчился. 12 декабря 1812 года Александр I объявил полную амнистию «литвинам», которые были на стороне Наполеона. И это примечательно, т.к. литовские и польские историки стараются не упоминать никаким образом о многочисленных амнистиях, которые спасали местные элиты от жёсткого наказания за постоянное метание.

4. И вновь «старый спор славян…»

Хотя всего война и оккупация продолжались лишь 5 месяцев, но последствия оказались весьма тяжёлыми для края. В результате боевых действий и разразившейся в разгар войны эпидемии погибли десятки тысяч человек. Только в одном Троцком (Тракайском) уезде погибла треть всего населения (История Литовской ССР, 1978).

Но край довольно быстро стал подниматься из развалин. Тому благоприятствовали милости и льготы, которыми император Александр осыпал западные российские владения. Экономический рост Ковенской (преимущественно литовской по населению) и Виленской (с преобладанием в населении литвинов и белорусов-католиков) был всё же не таким значительным как в остзейских губерниях. Это объяснялось отсутствием выхода к морю, тем более что устье реки Неман находилось в Пруссии. Польское дворянство не отличалось предприимчивостью, предпочитая усилить эксплуатацию своих крестьян, чем вводить технические новшества. И всё же прогресс пришёл и в застойные земли бывшей ВКЛ. По Неману стали ходить пароходы, через Ковну и Вильну прошли телеграфные линии. В 1861 году через литовские губернии прошла железная дорога Петербург-Варшава.

В глазах не только местного польского дворянства, но и немалой части русских Вильна и вообще вся Литва были частью Польши. Не случайно восторженным восклицанием «Польша!.. одно это слово сводит меня с ума от радости!..» начинается вставная новелла «Гудишки» из «Добавлений» к «Запискам кавалерист-девицы» Н.А. Дуровой, события которой происходят в Литве. Поэт Ф.Н. Глинка в стихотворении «Партизан Сеславин» 1827 года восклицал: «Вильна – польский град».

Большинство русских путешественников, описывавших своё пребывание в Вильне и Виленщине (равно как во всей Литве и большей части Белоруссии) были военными и чиновниками, которые основное внимание уделяли местным помещикам и мещанам. Литовское крестьянство вообще почти не бросалось в глаза. Та же кавалерист-девица Надежда Дурова отмечала, что крестьянин-литовец «мало чем разнится» от баранов, «с которыми живёт в одной избе» (Дурова, 1988).

Но по-прежнему земли бывшего ВКЛ оставались объектом польских претензий. Если совсем недавно в 1812 году поляки надеялись на Наполеона, то теперь сделали ставку на воздействие отличающихся космополитизмом петербургских правящих сфер и благожелательство императора.

На территории большей части прежнего Герцогства Варшавского было создано Царство Польское (поляки называли его Королевством). Это было независимое государство, имевшее свою конституцию, армию, денежную систему и все прочие атрибуты государственности. Все налоговые сборы и доходы Царства Польского расходовались исключительно на его собственные нужды. Показательно, что русские войска, расквартированные в Царстве Польском, получали жалование золотом и были сведены к положению войск, находившихся за рубежом. Единственное, что связывало Царство с Россией, была личная уния – самодержавный император Всероссийский был одновременно конституционным Царём Польским. В качестве Наместника русского императора в Варшаве пребывал Великий Князь Константин Павлович.

Поляки, не ожидавшие этого, были поражены щедростью монарха. Когда Император приехал в Варшаву, толпа поляков распрягла лошадей из его кареты и восторженно везла его, распевая гимн «Boże, coś Polskę...» («Боже, который Польшу...») написанный поэтом А. Фелинским специально для встречи нового монарха Польши. С энтузиазмом поляки распевали: «Перед Твоими жертвенниками возносим моления за нашего царя». Но такие чувства продержались недолго. Гимн А. Фелинского из верноподданнического уже скоро стал гимном мятежников.

В 1818 году дважды конституционный монарх (Финляндии и Польши) и самодержец Всероссийский Александр I прибыл самолично на польский сейм, в котором произнёс речь, в которой увидели намёк на дарование конституции остальной империи. Александр I во время выступления в сейме был одет в польский мундир с орденом Белого орла. «Вы подали мне средство явить моему отечеству то, что уже с давних лет ему приуготовляю, и чем оно

воспользуется, когда начала столь важного дела достигнут настоящей зрелости» (Эйдельман, 1970), – заявил император. Обращаясь к полякам, император сказал: «Освободясь от гибельных предубеждений, причинивших вам толикие бедствия, от вас ныне самих зависит дать прочное основание вашему возрождению».

Поскольку страх за возмездие со стороны России за поддержку Наполеона исчез, то польские аристократы вели себя как хозяева, а к русскими солдатам и офицерам в Польше относились прямо как к армии, потерпевшей поражение. Много лет спустя крупный российский чиновник В.К. Войт вспоминал: «Припомним роковое предсказание графа Остермана, когда император Александр Павлович приехал в Варшаву в 1818 году. Для открытия первого сейма и всем сделалась известна речь его, оскорбившая русское самолюбие. В Варшаве русских держали в чёрном теле, вероятно, чтобы нравиться полякам, высокомерно возмечтавшим о себе. На одном из смотров подходит Паскевич к Милорадовичу и Остерману (их тоже держали в чёрном теле в Варшаве, чтобы привлечь любовь польских генералов армии Наполеона) и спрашивает у них: “Что из этого будет?”. Граф Остерман отвечал: “А вот что будет, что ты через 10 лет со своей дивизией будешь их штурмом брать”. Он ошибся на три года» (Шильдер, 1905).

После окончания войн в польских землях начался бурный хозяйственный подъём. В 1831 году, в беседе с французским послом император Николай I с горечью перечислял всё, что имела Польша под скипетром Романовых: «…покойный брат мой (Александр I) осыпал благодеяниями королевство Польское, а я свято уважал, всё им сделанное. Чем была Польша, когда Наполеон и французы пришли туда в 1807 году? Песчаная и грязная пустыня. Мы провели здесь превосходные пути сообщения, вырыли каналы в главных направлениях. Промышленности не существовало в этой стране; мы основали суконные фабрики, развили разработку железной руды, учредили заводы для ископаемых произведений, которыми изобилует страна, дали обширное развитие этой важной отрасли народного богатства. Я расширил и укрепил столицу; существенное преимущество, данное мною польской промышленности для сбыта её новых продуктов, возбудило даже зависть моих других подданных. Я открыл подданным королевства рынки империи; они могли отправлять свои произведения далеко, до крайних азиатских пределов России…Император Александр восстановил название королевства Польского, на что не решился даже Наполеон. Брат мой оставил за поляками народное обучение на их национальном языке, их кокарду, их прежние королевские

ордена, Белого Орла, Святого Станислава и даже тот военный орден, который они носили в память войн, ведомых вами и против нас. Они имели армию, совершенно отдельную от нашей, одетую в национальные цвета. Мы наделили их оружейными заводами и пушечными литейными. Мы дали им не только то, что удовлетворяет все их интересы, но и что льстит страстям законной гордости…» (Шильдер, 1997).

Но польские магнаты и шляхты не ценили эти благодеяния. И причина заключалась не в том, что польской национальной гордости было неприятно иметь монархом иноземца. В конце концов, более 400 лет Польшей правили чужеземные династии – литовские Ягеллоны, шведские Ваза, саксонские Веттины. Главная причина недовольства польской знати заключалась в том, что «Забранный край» оставался в Российской империи. И именно борьба за Белоруссию и Правобережную Украину и составляла суть всех польских претензий. Страх, вызванный поражением Наполеона, быстро прошёл, и интриги польской элиты возобновились.

Для практически всех польских политических деятелей границы Польши, установленные Венским конгрессом, которую они презрительно называли «конгрессувкой», были неприемлемы. Стремление отобрать обратно «забранный край» стало навязчивой польской «национальной идеей». Логика в подобном стремлении была проста: Польша в своих этнографических границах, практически совпадавших с «конгрессувкой», получив независимость, будет маленьким и невлиятельным государством. Зато, расширив границы на восток, Польша сможет вновь стать великой державой.

Присоединение «забранного края» к Польше казалось вполне реальным, поскольку в западных российских губерниях вся власть принадлежала богатому польскому дворянству. Действительно, в западных губерниях Российской империи мало что изменилось со времён Речи Посполитой. До 1840 года всё делопроизводство велось на польском языке, большинство белорусов и правобережных украинцев принадлежали к униатской церкви. При этом почти всё образование в крае носило польско-католический характер, успешно превращавшим белорусов и украинцев в поляков. Курьёзно, но даже в православных духовных семинариях в правобережной Украине польский был языком преподавания. Поразительно, но после падения Речи Посполитой процесс ополячивания восточных славян, бывших польских подданных, пошёл ускоренными темпами. Так что надежды поляков на присоединение к себе Белоруссии и правобережной Украины были не беспочвенны. Впрочем, воображение польской элиты рисовало и ещё более заманчивые границы

Польши «от моря до моря» (то есть от Балтики до Чёрного моря) с такими «польскими» городами, как Рига, Смоленск, Одесса, и пр.

После падения Наполеона Александр I дважды встретился с Костюшко – вождём восстания 1794 года, живой легенды польского движения. Александр надеялся убедить Костюшко вернуться в Польшу и возглавить администрацию Царства Польского. Тот был готов согласиться при условии, что в Польше будут проведены социальные реформы и восстановлена территория, достигающая на востоке рек Днепр и Двина.

Первоначально польские деятели пытались использовать доброжелательность и идеализм Императора Александра I. Под влиянием друга молодости, бывшего министра иностранных дел Российской империи, князя Чарторыйского, Александр I в 1819 году собрался было присоединить к Царству Польскому западные российские губернии. Всё это мотивировалось расширением «свободы» и «демократии». Формально всё могло выглядеть как административные изменения внутри владений российского императора. В конце концов, всего лишь в 1809 году, присоединив к России Финляндию после очередной последней по счёту русско-шведской войне, Император Александр создал конституционное Великое княжество Финляндское под своим руководством. Как и Царство Польское, Финляндия была независимым государством, связанным лишь династической унией с Россией. И чтобы задобрить своих новых подданных, император в 1811 году передал в состав Финляндии Выборгскую губернию, которая была российской со времён Петра Великого. Интересно, что Выборгская губерния в Финляндском княжестве также называлась Старой Финляндией. Позднее, именно за земли прежней Выборгской губернии ожесточённо сражались русские и финны в 1939-40 и 1941-44 годы. Аналогичный подарок рассчитывали получить и польские дворяне.

Хотя польские законы ещё не распространялись на Западный край, начались определённые преобразования, показывавшие начало слияние бывшей Речи Посполитой. В 1817 году из уроженцев Западного края был сформирован Литовский корпус в составе 2-й пехотных дивизий, 1-ой уланской дивизии и Литовской гренадерской бригады и подчинён Наместнику в Польше Константину Павловичу. Литовский корпус составлял как бы промежуточное звено между польскими и русскими войсками. Полки Литовского корпуса носили имена западнорусских городов и областей, но носили форму польского образца. Польские магнаты и шляхта не без

оснований увидели в этом начало восстановления Польши в прежних границах.

Их интриги первоначально имели успех – общественное мнение России сочувствовало полякам, которые умели произносить красивые речи о «свободе». Главным союзником польских интриг было полное незнание «передовым» русским обществом, прекрасно владевшем при этом всеми последними модными теориями в области политики и культуры, истории и географии западных губерний Российской империи. В учебниках географии, все присоединённые в период разделов Речи Посполитой территории именовались польскими.

Казалось, передача западных русских губерний под юрисдикцию Царства Польское состоится скоро. Однако вмешался великий русский историк Н.М. Карамзин, который высказал царю своё «Мнение русского гражданина», назвав так поданную императору записку, осудив ошибочный курс Александра I в отношении Польши и западных губерний России. Намерение царя восстановить Речь Посполитую вместе с её прежними владениями в Белоруссии и Правобережной Украине подрывало территориальную целостность Российской империи, разрывало только недавно, при Екатерине II достигнутое политическое единство Великой, Малой и Белой Руси. В довершение всего Россия своими руками создавало заведомо враждебное отношение к себе со стороны других государств-участников раздела Польши в конце XVIII века, вряд ли при этом надеясь надолго обеспечить себе дружественные чувства восстановленной Польши. Н.М. Карамзин высказался резко: император «исправляет раздел Польши разделом России; этим он вызовет рукоплескания, но повергнет в отчаяние русских; восстановление Польши будет или разрушением России, или русские оросят Польшу своею кровью и ещё раз возьмут штурмом Прагу» (История русской армии от зарождения Руси до войны 1812 г., 2003).

В том, что Польша в границах 1772 года не была восстановлена – большая заслуга Карамзина. Впрочем, сам историограф не переоценивал свою роль в этом деле: «Россия удержала свои Польские области, но более счастливые обстоятельства, нежели мои слёзные убеждения спасли Александра от дела, равно бедственного и несправедливого».

Потерпев неудачу при Дворе, польские деятели установили контакты с тайными обществами декабристов. В 1819 году бывший офицер наполеоновской армии Валериан Лукасинский создал тайное общество «Национальное масонство», вскоре переименованное в «Патриотическое

общество», ставящее своей целью подготовку восстания для восстановления Польши в границах 1772 года. По масонским каналам Лукасинский установил связь с русскими декабристами, пытаясь создать единый фронт по разделу России. И опять единственное, что требовали поляки от декабристов в обмен на помощь – получить «Забранный край».

При описании этих событий легко впасть в теории заговора, видящих происки масонов буквально во всём происходившим в мире. Однако впадать в конспирологию не стоит. Примем к сведению то историческое обстоятельство, что в первые два десятилетия XIX века масонские ложи существовали во всей Европе и имели свой звёздный час в России. Все декабристы были масонами. Нельзя забывать, что для масонов был характерен своеобразный масонский космополитизм. Иначе говоря, интересы своих «братьев» стояли выше интересов государства. Именно на этом и пытались сыграть польские масоны, имевшие связи и с западными, и с российскими ложами. Но в 1822 году все масонские ложи в России были запрещены. А декабризм был раздавлен 14 декабря 1825 года, и полякам пришлось искать новые пути.

Огромную роль в польском движении играли «Юдифи». Необходимо напомнить, что в Библии Юдифь – иудейка, которая спасла родной город от осады. Она отправилась в лагерь врагов, где привлекла внимание полководца Олоферна. Когда он заснул, она отрубила ему голову и принесла её в родной город. Очаровательные полячки постоянно попадают на страницы истории. Так, одной из причин поражения русских в период «варшавской заутрени» 1794 года было то, что русский генерал и дипломат Осип Игельстром был под постоянным влиянием своей пассии, графини Гонораты Залуской (кстати, замужней дамы). В её объятиях бравый генерал забыл привести войска в боевое состояние и игнорировал все предупреждения о готовящемся в Варшаве восстании. Своя «Юдифь» была в Вильне – пани Незабитовская также усыпила бдительность командира русского гарнизона Арсеньева, в результате чего тот был разгромлен, а сам Арсеньев оказался в плену. В современной Польше до сих пор существует мнение, что Наполеон собирался помочь воссоздать Польшу из-за влияния своей польской любовницы – Марии Валевской. Когда же в 1815 году в Варшаву прибыл Наместник Всероссийского императора, великий князь Константин Павлович, то и тут подозрительно сразу ему на глаза попала Иоанна (или Жанетта) Грудзинская. Под её влиянием Константин Павлович забросил все дела. В 1820 году он заключил с ней морганатический брак. Именно этот брак стал причиной отстранения Константина от права

наследования, и привело к сумятице междуцарствия в конце 1825 года. «Юдифи» стремились поймать в свои сети не только важных военных и государственных деятелей. Одной из причин поразительно низкой эффективности окончательной интеграции Западного края в состав империи было то обстоятельство, что большинство чиновников в крае были поляками. Немногочисленные русские чиновники из центральной России, поступив на службу в западных губерниях, очень быстро вступали в брак с польками, приобретали дома и имения, заводили капиталы. И понятно, что интересы местного шляхетства были для этих чиновников уже своими интересами. Позднее, в период восстаний, многие деятели мятежников заявляли, что золотые пули против русских действуют лучше, чем свинцовые.

Не меньше надежд возлагали на «валленродизм». В 1828 году молодой поэт Адам Мицкевич написал поэму «Конрад Валленрод». Героем поэмы был реальный исторический деятель – великий магистр Тевтонского ордена, потерпевший поражение от литовцев. Мицкевич, естественно, создал чисто поэтическое сочинение, изобразив Валленрода неким литвином, намеренно делавшем карьеру в Ордене, чтобы изнутри разрушить его. Общий посыл поэмы был таков: делайте карьеру в России, поднимайтесь по служебной лестнице, продвигая на все важные места соплеменников для того, чтобы саботировать распоряжения российских властей и разрушать империю изнутри. Результатом опубликования поэмы стал утвердившийся в русском обществе стереотип поляка как коварного и вероломного агента Ватикана. «Валленродизм» был признан одной из отрицательных черт польской ментальности. В период польских восстаний 1830 и 1863 года действительно имело место измена присяге и переход русских офицеров польского происхождения к мятежникам, а также саботаж и подрывная деятельность польского чиновничества в западных губерниях. Но «валленродизм» мог быть эффективным лишь после многолетней незаметной деятельности. Жаждавшие вновь стать хозяевами «забранного края» магнаты и шляхта ждать долго не хотели.

Как в Царстве Польском, так и в западных губерниях России, началось бурное формирование польских заговорщицких по отношению к Империи организаций, ставящих целью воссоздание Польши в границах 1772 года. В Царстве Польском эта деятельность значительно облегчалась тем, что Наместник Константин Павлович, женатый на польке и симпатизировавший польской аристократии, отличавшийся бурным темпераментом, но при этом отходчивый и доверчивый, оказался не на высоте своего положения.

Константин игнорировал многочисленные донесения о готовящемся бунте в польских войсках и готовности поляков начать войну с Россией для расширения территории на востоке.

Правда, если в Царстве Польском заговорщики действовали в относительной безопасности, то в западных российских губерниях (том самом «забранном крае») власти действовали жёстко и бессмысленно. Неуклюжие действия властей только вызывали рост оппозиционных настроений среди широких слоёв западных губерний. Так, среди виленских студентов в 1817 году появилась литературная группа «шубравцев» (буквально – прохвосты, прощелыги). Они издавали рукописную «Уличную газету» и высмеивали панскую спесь, глупость и невежество духовенства, т.е. ценности шляхетской старой Польши. «Шубравцы» вовсе не были националистами. Среди членов кружка были и проживавшие в Вильне русские, например, Николай Греч, будущий соредактор официозной петербургской газеты «Северная пчела». Кстати, нахождение в рядах «шубравцев» совершенно не отразилось на дальнейшей карьере Греча. В составе общества были не только молодые шалопаи, но и почтенные учёные, например, член Комиссии в период наполеоновской оккупации профессор Ян Снядецкий.

Впрочем, довольно быстро «шубравцы» стали политизироваться. В Вильне действовали организации «филоматов» (любящих добродетель), среди членов которого был молодой поэт Адам Мицкевич, и «филаретов» (любящих науку). Эти общества были немногочисленными – филоматов было 20 человек, филаретов – 176! Однако если взять во внимание то обстоятельство, что счёт этим заговорщицким обществам шёл на сотни, то их реальная численность была значимой величиной. К 1822 году в польских антиправительственных организациях за пределами Царства Польского насчитывалось около 5 тысяч членов.

В 1822-1823 годах власти разгромили эти организации. При этом сами виленские студенты пострадали не за политику, а, если можно так выразиться, попали под раздачу. Разгром этих кружков объяснялся тем, что власти считали их масонскими организациями, не без основания. Но гораздо большее влияние на последующие события оказала жестокая расправа над молодыми болтунами. 108 человек предстали перед судом, 20 из них, включая Мицкевича, были отправлены в ссылку. Ряд замешанных в делах филоматов были отданы в солдаты. Несколько профессоров Виленского университета были уволены. Легко догадаться, что власти империи добились противоположного результата. Как отмечают современные польские историки, «Жестокость

репрессий 1822-1823 гг. не соответствовала истинной роли тайных организаций. Её участники обрели ореол национальных мучеников» (Тымовский и др., 2004). В дальнейшем политика российских властей в западных губерниях будет повторять переходы от чрезмерного либерализма и уступок польским требованиям к неоправданно жестоким и необоснованным расправам за незначительные проступки. Лучшего способа создавать оппозиционные настроения трудно представить.

Осенью 1830 года, поляки попытались воспользоваться общеевропейским политическим кризисом, вызванным очередной революцией во Франции, свергнувшей династию Бурбонов. Поскольку именно Бурбоны были гарантией сохранения границ, установленных Венским конгрессом 1814-1815 годов (в том числе и границ Польши), то возникла реальная перспектива войны Франции против всей Европы. Одновременно разразилась революция в Бельгии и усилилось революционное движение в Италии. Мятежные бельгийцы отделились от королевства Нидерландов, которым принадлежала Бельгия по результатам Венского конгресса. Эти события означали нарушение всего устройства Европы, установленного Венским конгрессом. В воздухе запахло большой войной. Николай I, родная сестра которого, Великая княгиня Анна Павловна, была замужем за нидерландским наследным принцем, воспринял бельгийскую революцию не только как прецедент изменения европейских границ, но и как личное оскорбление.

Польская армия получила приказ готовиться к походу в Бельгию. Русская армия только что закончила войну с турками 1828-1829 годов, и, в основном, находилась ещё на Дунае, а большая часть вооружённых сил империи была расквартирована во внутренних губерниях. В этот момент поляки решили – теперь или никогда. Польские деятели не могли не воспользоваться подготовкой к походу польской армии, чтобы не попытаться изменить границы «конгрессувки».

17 (29) ноября 1830 года отряд заговорщиков напал на Бельведерский дворец (варшавскую резиденцию Наместника великого князя Константина Павловича). Правда, сам Наместник сумел укрыться, погибли несколько придворных чинов и польских же генералов. Одновременно мятежники овладели арсеналом и призвали варшавян к восстанию. Впрочем, население города первоначально не поддержало мятежников.

Но тут последовали события, потрясшие до глубины чувства верноподданных и до сих пор смущающие историков. Константин приказал

русским войскам, находившимся в Польше, оставить территорию Царства Польского. Более того, Наместник освободил от присяги оставшиеся ему верными польские войска. Это было тем более странно, что ведь в мятеже участвовали лишь отдельные офицеры из школы подхорунжих (прапорщиков), а армия в целом оставалась верной Наместнику. И вот теперь польскую армию, освободив от присяги, словно толкнули примкнуть к мятежникам. Сам Константин с русскими войсками ушёл в пределы империи. Польские войска взяли штурмом крепости Модлин и Замостье, разгромив малочисленные русские гарнизоны. Царство Польское перешло в руки мятежников, совершенно не ожидавших такого лёгкого успеха. Так бесславно для России началась эта война.

Однако овладение территорией Царства Польского не было целью мятежников. Не случайно сразу же после ухода Константина Павловича польское правительство тут же отправило в Петербург двух делегатов – министра финансов Царства Польского князя Ф. Любецкого и депутата Сейма графа Езерского. Они должны были просить «в восстановлении королевства в прежних владениях» (Шильдер, 1997). В виде подтверждения серьёзности требований начались восстания уже в пределах Империи. Однако Николай I отказался вести переговоры с мятежниками.

В ответ 13 января 1831 года в Варшаве было объявлено о детронизации (низложении) Николая I с польского трона. Акт о низложении Николая I нарушал всю систему международного права, установленного Венским конгрессом, подписанными всеми великими державами. Однако западные державы-подписанты не возмутились. Ослабление России их вполне устраивало, и поляки весьма подходили на эту роль, чтобы не вызывать более глобальных противостояний. Впрочем, извещение о польском бунте и оскорблении государя вызвало только патриотический подъём в России. Рекрутский набор дал неожиданно малое количество уклонистов и дезертиров.

Впрочем, война предстояла серьёзная. Польская армия насчитывала 130 тысяч человек, а им противостояли лишь 45 тысячный Литовский корпус под командованием барона Григория Владимировича Розена. Показательно, что ранее этот корпус был под верховным командованием Константина Павловича, имел польские кокарды, а среди офицеров было много поляков. Впрочем, благодаря решимости и распорядительности Розена этот корпус прославился в войне, ни разу не дав повода для беспокойства.

В Вильне в начале 1831 года был создан комитет подготовки восстания. Весной восстание началось. Повстанцы заняли почти всю территорию

этнической Литвы. Из 11 уездов Виленской губернии мятеж затронул 9. Большинство мятежников относились к мелкой и средней шляхте. «Народной войны» здесь не было, да и не могло быть. Русские гарнизоны были малочисленны. В Вильне стояла всего лишь одна бригада – 3,2 тысячи человек, включая инвалидные и арестантские роты. Этих сил, впрочем, было достаточно для разгрома мятежников. Дворяне в собственно литовских губерниях, подняв восстание, не очень надеялись на поддержку своих крепостных. Но на помощь мятежникам в Литву двинулись регулярные войска общей численностью в 12 тысяч человек под командованием генералов Антона Гелгуда и Дезидерия Хлаповского. Польские генералы объявили о создании «Временного центрального правительства в Литве», в состав которого вошли местные помещики (Т. Тышкевич, Г. Огиньский). К побережью Балтийского моря шли корабли с грузами оружия, закупленными в Англии и Франции.

Это сразу изменило характер войны. Если ранее всё это могло выглядеть как гражданская война в Царстве Польском и внутренний бунт в российских губерниях, то теперь налицо было вторжение иноземных войск в пределы России. Вторгшиеся поляки и не скрывали захватнических устремлений. Так, при вторжении в Литву польские войска демонстративно перешли Неман в том же месте, что и Великая армия Наполеона. Естественно, что и отношение к захватчикам было соответствующим. Так началось очередное вторжение с запада, почти забытое современными русскими людьми. Польские повстанческие лидеры выпустили 6 декабря (по новому стилю) 1830 года Манифест, в котором провозгласили, что восставшие ставят перед собой целью «...не допустить до Европы дикие орды Севера ... защитить права европейских народов» (Муравьёв, 2005). Оставалось понять, кто их уполномочил на такую миссию.

Объединённые силы польских мятежников вступили в Ковну и попытались взять Вильну. 7 июня 1831 года разгорелось сражение на Понарских (Панеряйских) высотах в окрестностях города. Русскими войсками командовал Дмитрий Ерофеевич Остен-Сакен, остзеец, впрочем, родившийся в Малороссии и полностью обрусевший. Бой на Понарах закончился разгромом поляков. Остатки армии Гелгуда отступили на территорию Восточной Пруссии, где были интернированы.

Во время восстания 1831 года литовские крепостные в довольно большом количестве взбунтовались не против русской власти, но против социального господства поляков. К призывам на литовском языке, распространявшимися

мятежниками, крестьяне относились как к лицемерию. Призывы к восстанию составили на литовском лишь затем, чтобы сохранить польское господство над крепостными. Да и язык, на котором мятежники составляли воззвания, был польским с литовскими суффиксами и окончаниями.

Если в западных губерниях мятежники не сделали попыток отменить крепостное право, то и в землях Царства Польского, где крепостное право было отменено Наполеоном, шляхта также не желала признавать за крестьянами равенство. Это проявилось в том, что когда весной 1831 года повстанческое правительство Польши объявило о мобилизации в армию, то от призыва в армию были освобождены войты (руководители местной администрации), а они почти всегда были помещиками. Кстати, тем крестьянам, которых удалось мобилизовать в армию, даже не уменьшили размера панщины. А раз крестьянин был в армии, то усадебные поля должны были за них обрабатывать их соседи или родственники (Срочиньский, 2020). Так выглядела «война за свободу» по-польски.

После года кровопролитных боёв поляки были разгромлены. Русские войска под командованием А.Ф. Паскевича осадили Варшаву, где скопились остатки польских войск. В Варшаву был отправлен парламентёр, предложивший полякам почётную капитуляции. Но польский командующий Ян-Стефан Круковецкий горделиво ответил, что немедленно капитулирует только тогда, когда будет восстановлена Речь Посполитая в границах 1772 года. Даже накануне окончательного поражения польская шляхта не переставала грезить о восточных «крейсах».

26 августа, в годовщину Бородинского сражения, в котором участвовали, правда, по разные стороны фронта, почти все участники битвы за Варшаву, начался штурм. После падения варшавского района Воля сопротивление польской столицы прекратилось. Это был конец войны. Отдельные отряды поляков ещё продолжали сражаться, ставя перед собой лишь задачу прорваться на запад. Последний оплот мятежников, крепость Замостье, капитулировал 9 октября.

Польская война 1830-1831 годов была на редкость тяжёлой и кровопролитной. Русская армия потеряла 63 тысячи человек убитыми, польская – вдвое больше. В результате боевых действий и особенно холеры погибли сотни тысяч мирных жителей Польши и западных российских губерний. Дорогая цена была уплачена за добродушие Александра I и полонофильство Константина Павловича.

Остатки польской армии и десятки тысяч простых поляков бежали за рубеж. Здесь большинство из них ждало нищее эмигрантское существование. Многие бывшие солдаты и офицеры польской армии вступили во французский Иностранный легион, и отправились на колониальную войну в Алжир, где большинство из них ждала бесславная гибель. Французский командующий колониальными войсками в Алжире трогательно писал о гибели польских частей легиона: «Окружённые со всех сторон, они сгруппировались на холме, где этот храбрый отряд, составленный из солдат, закаленных в войне с русскими держался стойко и доблестно проливал за Францию свою кровь, которую он уже не мог пролить за свободу Польши» (Брюнон и Маню, 2003). Почему-то война за свободу Польши всегда была чужой захватнической войной.

После восстания Царство Польское утратило автономию и конституцию. В западных губерниях были отменены местные законы, русский язык был введён в делопроизводство, в 1839 году была ликвидирована униатская церковь, и белорусы вернулись в православие. Польский вопрос на три десятилетия перестал быть актуальным.

Только после войны 1830-31 годов в Петербурге, наконец, задумались о необходимости полного слияния западных губерний с Российской империей. Для этого надо было покончить со всеми правовыми, религиозными и административными особенностями края. Однако встал вопрос, на кого можно было опереться российским властям. Дворянство, духовенство, интеллигенция, почти всё мещанство были враждебно настроены к империи. Оставалось только нищее крепостное крестьянство, но опереться на него властям дворянской империи было бы слишком. Польские крепостники были близкими по духу русским крепостникам.

Как это часто бывало в России, произошло метание из одной крайности в другую. Если чуть ранее само название «Беларусь» было «забито» понятием Литва, то теперь, в Российской империи, исчезло само название «Белоруссия», заменённое официальным географическим понятием «Северо-Западный край». Вообще-то «Западным краем» со времён Екатерины II именовались вновь присоединённые от прежней Речи Посполитой территории. Теперь сей «Западный край» разделили, и «Северо-западным краем» стали именовать Белоруссию вместе с исторической Жмудью (ныне – «Литва»), а Правобережная Украина превратилась в «Юго-западный край».

Земли этнической Литвы переживали медленный хозяйственный подъём. В связи с ухудшением условий хлебного рынка (прибалтийское хлеборобство

не могло состязаться с украинским и кубанским хлебом) помещики начали переориентировать свои хозяйства на другие отрасли, в частности, на овцеводство, свёкло-сахарное производство. Этот процесс был медленным, так как у помещиков не было ни капитала, ни желания проводить сложную реорганизацию своих хозяйств. Поэтому помещики шли по самому простому пути – расширение помещичьего производства сопровождалось обезземеливанием крестьян. Между тем повторявшиеся из года в год неурожаи ставили их на грань голодной смерти.

И при императоре Николае I предпринятые меры свелись только к отдельным, хотя и важным, реформам. Был отменен Литовский Статут и введены общероссийские законы. Русский язык введен в делопроизводство. Во всех духовных учебных заведениях Западного края, в том числе и католических, преподавание было переведено на русский язык. В Вильне был издан католический катехизис на русском языке. Впрочем, из-за отсутствия квалифицированных кадров реализация этих мер затянулась на десятилетия после усмирения мятежа.

Также делались попытки бороться с польским влиянием в западных губерниях и на культурном фронте. В Киеве был создан русский университет Св. Владимира, Виленский университет был закрыт, а в дальнейшем, вновь открывшись, потерял польский характер, закрыт был Кременецкий лицей. 1840 году в белорусском местечке Горы-Горки была открыта земледельческая школа высшего разряда, вскоре ставшая институтом – одно из первых высших сельскохозяйственных заведений России. Однако всё это оказалось полумерами, поскольку оставшиеся учебные заведения в крае сохранили польско-католический характер. Русских школ в крае было открыто очень мало, они постоянно испытывали финансовые трудности и не смогли стать реальной альтернативой богатым и качественным школам, принадлежавшим католической церкви. Более того, многие поляки теперь отправились на учебу в российские университеты, и постепенно превратили Харьковский и Киевский университеты в центры польского движения.

При Николае I была ликвидирована церковная уния (правда, только в пределах Российской империи). В Австрийской Галиции власти предпочли сохранить униатство, прекрасно понимая, что благодаря этому восточное славянство останется духовно разобщённым.

Польский язык медленно вытеснялся из канцелярий, но вообще-то никаких намерений «запретить» его в западных губерниях (не говоря про собственно Польшу) у властей не было. В Литве издавались польские журналы,

например, просветительский “Athenaeum”. Печатались и польские книги. Запрещено было касаться политических тем, но художественные и исторические сочинения только приветствовались. Например, в 1835-1841 годы в Вильне на польском языке вышла девятитомная «История литовского народа» военного инженера и историка Теодора Нарбута, посвящённая истории Литвы до Люблинской унии. По-прежнему в большинстве школ именно на польском языке шло обучение.

Однако, началось обучение в некоторых школах и на литовском языке. Необходимо уточнить, что в этом плане имперские власти руководствовались лишь стремлением сэкономить на расходах на образование и облегчить управление школьной жизнью. В 1832 году Высочайше повелено было в Ковенской губернии, при обучении вере римских католиков из числа жмудин употреблять не польский язык, а самогитский (точнее, жемайтский) и с этой целью тогда же приказано было перевести на тот же литовский язык и католический катехизис. Несмотря на то, что это повеление было повторено и в 1852 году, оно не исполнялось вплоть до нового мятежа 1863 года. Пока ещё в литовском языке отсутствовали разработанные грамматические нормы, да и сам этот язык состоял из нескольких сильно различающихся диалектов, и потому эффект был незначительным. Литовский язык считался тогда близким к вымиранию или, во всяком случае, обречённым остаться безвестным местным диалектом. По собственной инициативе некоторые учителя, в основном из отставников русской армии, начали преподавать литовский язык на кириллической азбуке.

Во всяком случае, для литовского языка теперь, когда российские власти с подозрением относились к польскому языку, возникла возможность развития. Вновь стали издаваться грамматики литовского языка. Так, в 1849 году Фридрих Куршат издал грамматику, в 1856 году вышла грамматика немецкого языковеда Августа Шлейхера. Скромный чиновник рижского губернатора, а затем работник архивов Сената в Петербурге Шимон Довконт стал писать труды по истории Литвы на литовском языке. Он переименовал себя в Симонаса Даукантаса и под этим псевдонимом вошёл в историю. Он был также собирателем и популяризатором фольклора жмудин, писал учебники на литовском языке. Даукантас переводил на литовский язык стихи Мицкевича (впрочем, они были опубликованы только столетие спустя) (Merkys, 1991).

Издатель Л. Ивинский, выпустил с 1846 по 1864 годы 17 номеров альманаха на литовском языке, содержащего советы по сельскому хозяйству и медицинские рецепты.

В условиях практически полного отсутствия среднего класса и при почти полной полонизации местного дворянства только духовенство могло защищать литовцев от окончательной ассимиляции. При этом основная масса служителей католической церкви, даже искренне сочувствуя тяжёлому положению своей паствы, в основном, разделяли взгляды местного польского дворянства. Так что не церковь как институт, а самостоятельный выбор отдельных служителей церкви стояли за первыми деятелями просвещения литовского народа. Среди них можно выделить Мацея Волончевского, которого теперь в Литве именуют Мотеюсом Валанчюсом. Происходивший из семьи простых литовских крестьян, Волончевский сумел сделать удивительную карьеру по духовной части. Несколько лет он преподавал в Санкт-Петербургской католической духовной академии. По просьбе Дауканстаса он написал исследование по истории Самогитской (Жмудинской, по-современному – Жемайтской) епархии. Эта книга была издана на жмудинском (жемайтском) языке и стала первой научной книгой литовцев (Волончевский, 1890-1907).

В 1850 году М. Валанчевский стал епископом Самогитии. Свою первую инаугурационную проповедь он произнёс и на литовском, и на польском языках. Литовский (жемайтийский) язык из уст епископа прозвучал под сводами кафедрального собора чуть ли не в первый раз за всю историю Литвы (Эйдинтас и др., 2013). Епископ начал расширять сеть приходских школ, укреплять общинный дух и католическую набожность, стал издавать благочестивые брошюры и общества трезвости вместе с книжечками по христианской морали – других опор для несколько робкого литовского духа не было (Алексюн и др., 2009). Простонародное происхождение Волончевского, годы, проведённые в Петербурге, личное знакомство со многими деятелями российской администрации – всё это сделало его самостоятельной фигурой, независимого от польских помещиков. При этом сам Волончевский личный дневник вёл на польском языке.

Ещё одним из деятелей литовского просвещения был священник Антоний Барановский (Антанас Баранаускас), опубликовавший в 1860 году поэму «Аникщайский бор», посвящённую лесу рядом с городком Оникты (Аникщяй). Эта поэма, полная любви к природе родного края, одновременно содержала и обличительные высказывания против крепостничества. Кстати, много позднее, когда Барановский стал епископом и проповедовал сближение с польскими помещиками, то от этих своих слов он с жаром отрекался.

И всё же, за первые полвека пребывания в составе Российской империи для окончательной интеграции западных губерний в общерусский организм было сделано поразительно мало. Край по-прежнему принадлежал польской аристократии, которая была готова в очередной раз предъявить права на Литву с помощью оружия.

5. Опять борьба за Западный край на культурном фронте

То, что малороссы и белорусы, а также социальные низы в самой Польше в период 1830-1831 годов никак не проявляли желания сражаться за возвращение старой Польши, особенно беспокоило польских деятелей. Поэтому после поражения 1831 года польские деятели сделали ставку на длительную идеологическую борьбу с целью привлечения на свою сторону местных жителей. Правда, основную проблему польским авторам доставлял тот исторический факт, что земли, на которые претендовали поляки как на неотъемлемую часть Польши, были сердцем Киевской Руси. Впрочем, довольно долго польские авторы, жившие в эмиграции, утверждали, что Русью являются именно восточные земли прежней Речи Посполитой, а Россия есть Московия, ничего общего с Русью не имеющая. Так, польский генерал Рыкачевский писал: «То, что называется Россией, есть выдумка, бессмыслица, новое наименование, опровергаемое историей… Россия… есть не что иное, как Московия, страна не славянская, народности азиатской и варварской, объявленная в XVIII веке европейским государством принадлежащим к славянской народности по указу, созданию абсолютной властью одной царицы» (Гильфердинг, 1868). В польской политической литературе по отношению к москалям употреблялись термины «россияне», в то же время украинцев, которых поляки жаждали «освободить» с целью подчинения, называли рускими (с одной буквой «с»), или русинами. Земли правобережной Украины поляки называли «Русью», а остальную Россию – Московией. «Русь» должна была стать частью «польского трилистника», включавшего в себя также собственно Польшу и Литву (в состав которой относили Белоруссию).

Однако в восстаниях против России, поднятых поляками, православные русины бывших восточных земель Речи Посполитой поддерживали русскую власть. Стало ясно, что превращаться в поляков они не желают. Зато, используя отдельные различия в говорах, обычаях и быте между малороссами и великороссами, можно попытаться разделить самих русских на отдельные

«нации». Это совпало с намерениями властей Австро-Венгрии, во владения которой вошла Галиция, использовать новое украинское движение против России. Убедившись, что украинцев не удаётся ополячить, и перспектива жизни под «сенью крыл Белого Орла», т.е. в будущем восстановленном польском государстве, не вызывает у них интереса, деятели польского движения сделали ставку на украинских самостийников. Пропаганда велась достаточно примитивная: вы, малороссы, вовсе не ветвь русского народа, а некий отдельный народ, который «гнобят» москали, поэтому необходимо восстать под руководством польских панов против «цара» (именно так писалось в пропагандистской литературе, видимо, поляки считали это унижением царя). А дальше, уверяли агитаторы, всё будет хорошо – поляки и украинцы будут жить равные с равными, вольные с вольными. Разумеется, эти пафосные слова могли произвести впечатление на русскую либеральную интеллигенцию, но не на самих украинских и белорусских крестьян, которые не только помнили страшные времена польского господства. Над ними по-прежнему сидел польский помещик, который к крестьянам относился совсем не так, как вольный с вольными.

Расчёт в создании украинского движения поляками был прост: «украинство» способствует ослаблению России, что в свою очередь, способствует восстановлению Польши. Кроме того, Украина, возникнув как независимое государство, окажется в зависимости от Польши. Эту мысль выразил известный польский историк, ксендз Валериан Калинка: «Иную душу нужно влить в русина – вот главная задача для нас, поляков…Та душа будет с Запада…Тогда, быть может, возвратится Русь к братству с Польшей. А если бы и не сбылось, то лучше Малая Русь, чем Русь Российская…Если Гриць не может быть моим, то пускай, по крайней мере, не будет ни моим, ни твоим» (Лебедев, 2019).

Для привлечения на свою сторону украинцев польская элита не брезговала ничем. Готовясь к восстанию, многие паны стали вдруг одеваться в крестьянские свитки. Польские поэты с украинских территорий начали срочно писать «народные» песни о счастливой доле украинцев под Польшей и проклятий в адрес русских самодержцев, которые «волю» украинцев порушили.

Также был применён опыт ордена иезуитов, мастеров по созданию фейков. В XVIII веке жил украинский казак Вернигора, имевший славу прорицателя. Через 70 лет после смерти Вернигоры польские деятели обратились к образу казака-пророка. Поэты Северин Гощинский и Юлиуш

Словацкий начали писать стихи и поэмы, в который Вернигора предсказывал грядущую гибель Польши, а затем её воскресение и грядущее братство пана и хлопа. Художник Матейко много позднее, в 1883 году, создал картину, в которой Вернигора предсказывает возрождение Польши, а на первом плане – мальчик в белой одежде, символизирующий светлое будущее украинцев вновь под Польшей.

Польские агитаторы были уверены, что малороссов удалось убедить в необходимости сражаться под польским знаменем за своего польского пана. Показателем самоослепления можно считать книгу путевых заметок «Польша и её южные провинции» Владислава Мицкевича, сына великого поэта. Под «южными провинциями» Польши имелись в виду земли нынешней Украины. Мицкевич-младший рассказывал, что он сам в 1861 году ездил из Одессы в Киев, из Киева в Житомир, из Житомира в Вильно и убедился, что русского в этих странах только армия и полиция, что, хотя крестьянин там и сохраняет свой местный говор, но что один вид польского повстанца как электрической искрой воспламенит его душу и он бросится на Русские полчища. Как иронично комментировал это сочинение русский публицист и философ Иван Аксаков, «Всё предисловие написано с такою силой убеждения, с такой наивной искренностью, что нельзя и подозревать преднамеренного искажения истины, а следует предположить какое-то расстройство органов зрения, слуха, какое-то повреждение умственных и душевных способностей» (Аксаков, 2008). «С каким простодушием – продолжал И. Аксаков – описывает Мицкевич, и описывает очень поэтически, зимнее путешествие по Украйне, когда ямщик-малоросс «затянет свою думу...». Дума? Но о чем же поют эти песни, которые называются думами? Эти думы или думки ничего другого и не воспевают, как только казацкие подвиги против «ляхив», подвиги борьбы, да кончину казацких героев, изжаренных, колесованных и другими разнообразными способами замученных поляками, сохранившими и до наших времен особенный талант и охоту к затейливости мучений» (Аксаков, 2008).

Чтобы привлечь на свою сторону евреев, польские деятели стали называть их «поляками моисеева закона». Поэты также стали писать стихи и поэмы о том, как евреи доблестно сражались, обороняя Варшаву против русских. Вообще-то русские военные источники ничего подобного не зафиксировали. Это был такой же пропагандистский фейк, как история пророчеств Вернигоры.

А вот литовцев как католиков польские деятели старались убедить в том, что раз они польской веры, то и должны себя считать поляками. Им милостиво

разрешалось пока ещё пользоваться своим экзотическим «примитивным» языком. Однако в грядущем и скором ополячивании литовцев польские деятели не сомневались. В то же время, они видели в этом позитивный и закономерный процесс. Даже в 1905 году, когда игнорировать развитие литовцев как самостоятельной нации стало невозможно, польская газета «Курьер литовский» (Kurier litewski) вещала: «В культурной победе нашего языка над литовским есть только преимущество знаний, труда и гуманизма в обычаях» (Kurier litewski, 1905).

Тем не менее, основные надежды в своей деятельности польские деятели сделали на контакты с русскими революционерами, которые в своей борьбе с самодержавием были готовы согласиться с некоторыми польскими требованиями. Главным союзником поляков стал такой выдающийся человек, как Александр Иванович Герцен. Он был и философом, и социальным мыслителем, и писателем, и политическим деятелем, сыграл выдающуюся роль в развитии русской мысли. В период 1856-1862 годов он был «диктатором общественного мнения» России. Герцен эмигрировал из России в 1846 году, осел в Лондоне, где с помощью польских эмигрантов в 1853 году основал Вольную русскую типографию, чтобы печатать сочинения, запрещённые в России цензурой. Обратим внимание на время создания Вольной русской типографии – 1853 год. Уже шла Крымская война, а он издавал журнал в Лондоне. Англия собиралась вступить в эту войну, и тут появился Герцен и начал распространять контрабандой в Россию из столицы враждебного государства свои публикации. Говоря другими словами, это была подрывная деятельность против своего государства, частью которого он продолжал себя именовать. С 1855 года Герцен начал издавать альманах «Полярная звезда» (своего рода продолжение одноименного альманаха Рылеева), а спустя год приступил к изданию «Колокола» – первой русской революционной газеты, нелегально распространявшейся в России. «Колокол» из Лондона распространялся в России совершенно открыто вплоть до царского дворца. О влиянии «Колокола» вспоминал много лет спустя видный деятель русской печати Николай Мещерский: «Действительно, влияние в то время Герцена было изумительно. Рассказывали, что о нём часто была речь при Дворе, что как-то, на разводе, Государь громко поздравил одного генерала с тем, что он попал в “Колокол”» (Лебедев, 2004).

Герцен на страницах «Колокола» открыто поддерживал польские требования. В сентябре 1862 года некие анонимные «русские офицеры» (скорее всего, придуманные редакцией) обратились к Константину Николаевичу,

Наместнику в Царстве Польском через «Колокол». Адрес содержал заявления о том, что войска не хотят быть палачами, и это будет очевидно в случае восстания. Войско «не только не остановит поляков, но пристанет к ним, и может быть, никакая сила не удержит его. Офицеры удержать его не в силах и не захотят». Единственным спасением было дать Польше «свободно учредиться по понятиям и желаниям польского народа», т.е. «от моря до моря», далеко за пределы этнической польской территории, «иначе грозит беда неминуемая». Когда же восстание разразилось, то со страниц «Колокола» загремели призывы убивать «гадких русских солдат». Впрочем, причина пропольских симпатий лондонского изгнанника Герцена была проста: деньги на издание своего «Колокола» он получил у польского эмигранта Станислава-Габриэля Ворцеля. Герцен бедняком не был, но всё же создавать целую печатную империю, и распространять журналы по всей России денег у него не хватало. Логично предположить, что его деятельность финансировали соответствующие службы Британии и польская эмиграция.

Разумеется, считать А.И. Герцена польским наймитом будет также глупо, как Ленина считать агентом Германского Генштаба. Эти политики были готовы заключать временный союз с кем угодно, ведя свою игру и отнюдь не собираясь быть чьей-то марионеткой. Если бы в России 1860-х годов произошла революция, то интересы польской шляхты для русских революционеров учитывались только как объект экспроприации.

Впрочем, откровенно антинациональные взгляды русских либералов также играли роль в тех событиях. Живший в добровольной эмиграции князь П. Долгоруков, сподвижник А.И. Герцена, уверял, что ничего страшного от отделения от России ряда губерний, пусть даже с непольским населением, не будет, зато это даст России моральный выигрыш: «Может быть, тогда губерния Ковенская и несколько уездов губерний Виленской и Гродненской отошли бы от России; но что за беда? Если из семисот уездов империи Всероссийской убавится дюжина или полторы дюжины уездов, сила России не уменьшится, а зато честь русская высоко вознесётся тем, что никого не будут принуждать быть русским, принуждать мерами насильственными и кровавыми, мерами гнусными и позорными для тех, которые их употребляют, и что каждый из граждан России будет гордиться тем, что он русский!» (Долгоруков, 1992). Как видно, задолго до М.С. Горбачёва многие «передовые» русские были готовы пожертвовать дюжиной-другой уездов, чтобы выгоднее смотреться в глазах «западных партнёров».

Между тем, значительную часть чиновничества в западных губерниях состояла из поляков. Так, данные о государственных служащих Виленской и Гродненской губерний, сообщённые в Петербург Иосифом Семашко в 1854 году, свидетельствовали, что среди старших чиновников православные, в число которых попадали также недавние униаты, составляли менее шестой части (140 человек), а «в низшем слое чиноначалия» их доля оказалась и того меньше (Горизонтов, 1999).

С целью нейтрализации русской армии, расквартированной в Польше, польские агитаторы активно «обрабатывали» офицеров. Ещё Николай I считал лучшим средством воспитания военную службу. С этой целью шляхтичей из западных губерний стали в большом количестве зачислять в кадетские корпуса и всячески поощряли их добровольное поступление на военную службу. В скором времени русские генералы стали высказывать обеспокоенность по поводу концентрации в некоторых воинских частях большого количества поляков. По данным военного министра Д.А. Милютина, в 1861 году в Первой (Действующей) армии 35,5% офицерского корпуса (около 2 тысяч человек) составляли католики, ещё большим был их процент среди унтер-офицеров и рядовых. Среди католиков были некоторые российские немцы и представители некоторых других национальностей, в частности, французы. Но всё же большинство католиков были поляками по происхождению. Однако, как и в 1812 году, большинство католиков сохранили верность присяге. «До сего времени, – писал Милютин, – ничто ещё не дало повода к принятию каких-либо общих мер относительно уменьшения в войсках числа офицеров польского происхождения» (Горизонтов, 1999). Вовсе не были известны министру случаи проявления политической нелояльности со стороны нижних чинов.

После неудачи в Крымской войне оппозиционные настроения, охватившие все слои российского общества, не оставили в стороне и армию. Даже в элите вооружённых сил – Генеральном штабе – возникли нелегальные группы офицеров. Это были вовсе не хунты латиноамериканского типа, а некие кружки вольнодумцев, которые, в основном, вели недозволенные речи в узком кругу единомышленников. Но ведя подготовку готовясь к восстанию ряд офицеров польского происхождения, в полном соответствии с «валленродизмом» предпринял попытку создать «хунту» из соплеменников в русском мундире, а также демагогией о «нашей и вашей свободе» привлечь на свою сторону и кондовых русаков. В 1857 году капитан Генерального штаба Зыгмунд Сераковский создал из генштабистов нелегальную организацию.

Понимая, что своих коллег из числа русских офицеров не увлечь идеей польской власти вплоть до Днепра и Двины, Сераковский вёл среди русских пропаганду необходимости социальной революции. Он был знаком с Чернышевским (который в романе «Пролог» вывел его под именем Соколовского), а за границей установил связь с Герценом. В 1856-1857 годах Сераковский вёл в журнале «Современник» отдел «Заграничные известия» и опубликовал большую статью «Взгляд на внутренние отношения Соединённых Штатов». На страницах «Современника» Сераковский восклицал: «Братство, любовь, взаимное уважение к личности лежит в основе всех наших нравственных понятий». Однако, остаётся вопрос, как с этим соотнести требование восстановления Польши в границах 1772 года с руководящей ролью польского шляхетства.

Вообще-то союз между русскими революционными демократами, мечтавшими освободить свой народ и польскими дворянами, мечтавших убрать русскую власть, чтобы править на всей прежней Речи Посполитой, может показаться противоестественным. Однако, одних манило вернуть себе власть над «забранным краем», другие стремились разрушить Российскую империю. Польские элиты были готовы заключить союз хоть с любыми силами, пусть даже с революционерами, мечтающими о социализме и всемирном братстве трудящихся. Русские революционеры и либералы считали, что дом, в котором они живут – Россия, некрасивый и тесный, на этом основании они собирались снести этот дом полностью, считая, что после этого как-то сам собой вырастет новый, более прекрасный дом. Именно это необходимо учитывать, анализируя поведение «передовой» публики России в польском и в иных вопросах.

Не очень надеясь на военный переворот в Петербурге, готовя мятеж в Польше, заговорщики в русских мундирах из нелегальной офицерской организации действительно пытались слепить некую силу, которая поможет не только одержать победу в восстании, но и разожжёт смуту во всей России. В 1861 году возник Комитет русских офицеров в Польше, поддерживавший тесные связи как с польскими националистами, так и с русскими революционными демократами. После ареста основателя кружка поручика Василия Каплинского Комитет возглавил поручик Шлиссельбургского пехотного полка Андрей Потебня. Членом Комитета были офицеры польского происхождения Ярослав Домбровский и Зыгмунд Падлевский. Однако, с этим Комитетом много неясного. От него остались только неопределённые краткие записи тенденциозно настроенных авторов, так что

вероятен вопрос о существовании этот Комитет вообще. Есть вероятность, что он был придуман в редакции «Колокола» Герцена в Лондоне? Но, как бы то ни было, Домбровский действительно был одним из главных деятелей польской конспирации.

Заговорщикам, и польским, и русским, казалось, что пропаганда в армии имеет успех. Выдавая желаемое за действительное, руководитель Комитета русских офицеров А. Потебня в июне 1862 года так писал Герцену и Огареву. «Если вы, имеете верное понятие о положении дел в Польше, вы должны знать также и дух войска в Польше; мы настолько сблизились с патриотами польскими, что, во всяком случае, примем прямое участие в близком восстании Польши... Я уже писал вам раз по поручению своих товарищей; тогда я еще не знал, что пропаганда будет так легка и так успешна; теперь войско, квартирующее в Варшаве, стоит на такой ноге, что готово драться со своими, если б они вздумали идти против поляков» (За нашу и вашу свободу. Герои 1863 года, 1964).

Но на фоне поразительной апатии и бездеятельности российской гражданской администрации военные власти всё же не допустили враждебной деятельности в рядах армии. В июне 1862 года были арестованы и расстреляны несколько офицеров – поручики И.Н. Арнгольдт, П.М. Сливицкий, унтер-офицер Ф. Ростковский. Инкриминировалось офицерам, однако, вовсе не борьба за «свободу Польши». Они читали солдатам те статьи из герценовских изданий, в которых содержались материалы, разоблачавшие «преступления романовской династии». Суд признал их виновными в оскорблении царя «распространением между нижними чинами ложных и дерзких рассказов о государе и о царствующем доме, взятых из враждебных России сочинений» (За нашу и вашу свободу. Герои 1863 года, 1964). Другой темой пропаганды были наиболее интересные для солдат вопросы о положении крестьян, отмене крепостного права и вопрос о земле.

Но и после этого подрывная деятельность польских и русских агитаторов в армии продолжалась. Среди солдат распространялись песни на мотивы армейских походных песен. Сборник «Солдатские песни» из семи таких песен был издан в Лондоне осенью 1862 года. Каждая песня провозглашала, что честный солдат должен скорее погибнуть, чем выполнять приказы начальников – стрелять в крестьян и поляков. Вот одна из них:

Брат ли встанет против брата?
А поляки – братья нам,
И для честного солдата

Убивать их грех и срам.
Нам ли сердце не сжимали
Ихний стон и ихний плач
В этой бойне мы устали,
Русский воин не палач!
Пусть себе за ослушанье
Нас начальство душит всех,
Лучше вынесть истязанье,
Чем принять на душу грех!
Нам довольно доказали,
Как самих тиранят нас,
Как Арнгольдта расстреляли
И Сливицкого зараз!
И Ростковского сгубили
Вместе с Щуром зауряд
Лишь за то, что все любили
Всей душой они солдат!
В память их мы дружно грянем
Нашу песню в добрый час
В поляков стрелять не станем.
Не враги они для нас! (За нашу и вашу свободу. Герои 1863 года, 1964)

В условиях паралича властей империи и при обилии «валленродов» даже в Генеральном штабе усмирение неизбежного мятежа было делом сложным.

Наконец, продолжала активно действовать польская эмиграция. Хотя части польской армии, отступившие после разгрома в 1831 году, по понятной причине, исчезли, среди эмигрантов действительно было немало людей с военной подготовкой. Столпы польской эмиграции начали поощрять вступление молодых поляков в армии различных европейский стран. В нужный момент они должны были подать в отставку и поехать сражаться за польские земли. Впрочем, буквально накануне восстания, в 1861 году в итальянском городе Генуе была создана польская военная школа. В ней училось около 300 человек. Все они потом отправились сражаться с русскими.

Таким образом, после трёх десятилетий напряжённой подготовки польское шляхетство вновь было готово воевать за «забранный край».

6. Перед новой бурей

Как только в России начались либеральные реформы, проводимые новым императором Александром II, вновь возник польский вопрос и опять вызванный стремлением поляков «вернуть» себе «забранный край». В Польше с 1856 года были прекращены все строгости полицейского режима. 9 тысяч участников восстания 1830-1831 годов были амнистированы. Вернулись многие эмигранты. Легально издавалась поэзия А. Мицкевича. Польская пресса фактически была освобождена от цензуры (в отличие от русской). Вступил в силу конкордат (соглашение) с Ватиканом, и католическая церковь получила полную свободу пастырской и экономической деятельности. Созданное польским дворянством Земледельческое Общество во главе с графом А. Замойским фактически стало легальной оппозиционной партией. В марте 1861 года был создан Государственный Совет Царства Польского – высший совещательный и контрольный орган. Свои чисто польские структуры правления – губернские, уездные, городские – были созданы на местах. Наместником в Царстве Польском в 1862 году стал брат императора, великий князь Константин Николаевич. Его помощником по гражданской части стал польский аристократ Александр Игнаций Велёпольский, маркиз Гонзаго-Мышковский, участник восстания 1830 года, получивший прощение. В сущности, было воссоздано независимое польское государство наподобие того, что существовало в 1814-30 годы. Не было, правда, ещё польской армии и своей денежной единицы, но логика событий неминуемо привела бы к этому.

Но именно эти меры, как ни парадоксально, в конечном счёте, привели к очередному польскому восстанию. Не желая ограничиваться территорией Царства Польского, руководящие деятели польского движения начали вести работу по распространению польской власти на «забранный край». Чем больше проводилась либерализация в Царстве Польском и реальней становилась независимость Польши в границах «конгрессувки», тем активнее действовали антирусские силы в западных российских губерниях. Устраивались манифестации с пением патриотических и церковных гимнов. Наконец, начались акты террора против представителей русской власти и поляков, не одобрявших экстремизма. Покушались на генерала А. Лидерса, предшественника Великого князя Константина Николаевича на посту наместника, и на самого Великого князя. Два покушения были предприняты против Велёпольского.

Требование «исторических границ» прежней Речи Посполитой было присуще совершенно всем польским повстанческим организациям. Показателен такой факт – как только в Варшаву прибыл Наместник Великий

князь Константин Николаевич, на него 11 сентября 1862 года было совершено покушение. В ответ на Манифест Наместника к населению Польши, открывавшегося словами «Поляки! Верьте мне, как я верю вам!», он получил послание от графа А. Замойского, одного из влиятельнейших польских деятелей. Выразив дежурную радость по поводу спасения жизни Наместника, Замойский писал: «Мы можем поддерживать правительство только, когда оно будет польским и когда все провинции, составляющие наше отечество, будут соединены вместе, получат конституцию и либеральные учреждения. Если мы любим отечество, то любим его в границах, начертанных Богом и освящённых историей» (Любимов, 1889).

В польском движении возникли два направления – «красные» и «белые». Кстати, красные не были социалистами. Названия направлений возникли по цветам красно-белого польского флага. Это разделение совпадало с различиями в социальных интересах, ибо «красные» были сторонниками радикальных революционных, а «белые» стояли на более консервативной позиции, принимая во внимание интересы помещиков. В октябре 1861 года был основан Центральный национальный комитет, сыгравший впоследствии роль штаба повстанцев.

К концу 1862 году в Царстве Польском фактически была восстановлена польская власть. Не дожидаясь окончательного установления независимости, польская элита начала борьбу за «забранный край». Воспользовавшись годовщиной Городельской унии 1413 года, поляки устроили манифестацию на Александровском мосту через Неман. Группы демонстрантов шли с территории Царства Польского, навстречу шли демонстранты из Ковны. Поднимались гербы и флаги исторических земель прежней Речи Посполитой, пелись патриотические гимны. Это было откровенной заявкой на все западные губернии России.

Надежды на Запад, на «валленродов» на всех уровнях имперской власти, убеждение в том, что украинцы немедленно восстанут в ожидании доброго польского пана, и, наконец, отнюдь не несбыточные надежды на революцию в России и крушение страны – всё это внушало польским деятелям самые радостные надежды. Внутри самой России сложилась революционная ситуация (как отмечал Ленин). Отмена крепостного права 19 февраля 1861 года не удовлетворила никого – ни помещиков, потерявших власть над «душами», ни освобождённых крестьян, которые должны были платить выкупы за землю, которую и так считали своей. Между тем, согласно положению об отмене крепостного права, в течении двух лет, т.е. в 1863 году, должны быть приняты

грамоты, регулирующие взаимоотношения между помещиками и их прежними крепостными. В силу этого в наступающем 1863 году ждали – одни со страхом, другие – с надеждой, всеобщего крестьянского восстания в России.

Герцен из Лондона в своих письмах 1861-1862 годов подчёркивал, что в России в данный момент нельзя рассчитывать на крестьянское восстание. Оно может начаться не раньше весны 1863 года, когда русский народ, «освобождённый вполовину», «наверное, упрётся». «Восстань тогда Польша, бросьтесь вы, с вашими и их солдатами в Литву, в Малороссию, во имя крестьянского права на землю, и где найдётся сила противудействовать? Волга и Днепр откликнутся вам, Дон и Урал!» (Герцен, 2017).

В землях прежнего ВКЛ социальные, экономические, и политические проблемы стояли очень остро. В любом случае, без всякой польской агитации здесь всё могло разразиться взрывом.

В 1859 году в Литве произошли крестьянские выступления против содержателей кабаков, большинство из которых были евремями. Крестьяне громили питейные лавки, избивали продавцов вина, местных чиновников. Это движение охватило более 80% всего католического населения края – литовцы бросили пить водку, что сразу привело к повышению их благосостояния, укреплению семей, люди начали тянуться к образованию (Эйдинтас и др., 2013).

Отмена крепостного права, при котором крестьяне не получили землю, вызвали новые волнения. Полицейская статистика насчитала 145 различных выступлений крестьян в виде забастовок, невыхода на работу, на барщину, порубки в панском лесу и пр.

Но ещё больше, чем крестьяне, недовольство выражала мелкая литвинская шляхта. Отмена крепостного права и общая демократизация жизни России ставили под вопрос всякое значение многочисленного польского дворянства в западных губерниях. Ещё перед отменой крепостного права именно польское дворянство Литвы и Белоруссии занимало наиболее непримиримые позиции в крестьянском вопросе. В условиях получения крестьянами, пусть даже и за выкуп, части шляхетских земель, а также при распространении на западный край всесословных учреждений, местное польское привилегированное меньшинство теряло экономическую власть в крае. Политической же власти оно не имело уже с падением Речи Посполитой. Следует заметить, что шляхетство, в основном, не умело хозяйствовать, и потому большинство панских имений уже давно было заложено и перезаложено. Вопросом времени оставалась перспектива перехода панских земель в руки местных «чумазых

лендлордов». Большинство шляхтичей было бедно. Единственное, что выделяло их из массы крестьян, было чувство избранности шляхтича, обладавшего личной свободой среди крепостных. Как когда-то в Речи Посполитой самый бедный шляхтич утешал себя тем, что он обладает такими же правами на Сейме, как и самые богатые магнаты, и теоретически может стать королём, то и под властью Российской империи шляхтич считал себя господином по отношению даже к не принадлежащим ему крепостным. Католическая религия и польский язык только усиливали чувство принадлежности к некоему кругу избранных. Шляхтич даже в кабаке требовал, чтобы к нему обращались словом «пан». Шляхтич отправил бы в монастырь свою дочь, но не допустил её брака даже с очень зажиточным мещанином и, тем более, крестьянином. Крупный магнат Х. Ржевуский не случайно говорил о «хранительнице «отечественных преданий» Литве».

Однако, отмена крепостного права и возможность введения в западных российских губерниях земского самоуправления окончательно грозило ликвидировать шляхетство как класс. В этих условиях польское дворянство могло только силой оружия, воссоздав Польшу, сохранить своё прежнее господство в крае. Последним шансом для шляхтичей после отмены крепостного права, было именно восстание. В случае победы они останутся здесь господами, в случае сохранения существующего положения они окончательно сольются с православными мужиками. И шляхтичи взялись за оружие.

Заключение

9 (22) января 1863 года началось восстание в Польше и Северо-Западном крае (так назывались Белоруссия и Литва). Польский Центральный комитет в «Манифесте» от 22 января 1863 года, написанном поэтессой Ильницкой, торжественно объявил о восстановлении Польши в прежних границах и демагогически призывал «убогий и насилуемый народ московский» на «страшный погибельный бой, последний бой европейской цивилизации с диким варварством Азии» (Бендин, 2013). Патетические слова не могли помочь мятежникам. Восстание 1863 года было шляхетским. Современный исследователь В.М. Зайцев, изучая социальный состав участников вооружённых антиправительственных выступлений, выявлял степень «революционности» каждого сословия, исходя из количества репрессированных, и привёл следующие расчёты: «На долю дворянского сословия, составлявшего 5,99% населения Литвы и Белоруссии, приходится

свыше 62% всех репрессированных или один репрессированный на 43 человека. Представители численно преобладающего крестьянского сословия составляют 22,36% всех репрессированных, а мещанского, второго по численности среди населения – 5,72%. У крестьян один репрессированный приходится на 1051, а у мещан – на 758 человек мужского пола... На долю католического духовенства, составлявшего 0,16% населения, приходится 3,35% репрессированных, или один репрессированный на 16 служителей католического клира. Это духовенство, приходы которого охватывали около 40% населения, в значительной части участвовало, либо сочувствовало восстанию» (Зайцев, 1973).

Главную роль в смирении мятежа сыграл генерал Михаил Николаевич Муравьёв (1796-1866 гг.). Среди множества русских генералов он выделялся своим знанием охваченного мятежом края. Впрочем, были у него и многие необходимые в этот момент личные качества. Представитель старинного, хотя и не титулованного рода, известного с XV века, Михаил Муравьёв, подобно всем своим предкам, верой и правдой служил России на различных военных и гражданских должностях. При этом он отнюдь не пользовался расположением монархов, его честность и принципиальность постоянно порождали у него множество врагов в петербургских властных сферах, а русофобы всех мастей ненавидели его. Невзирая на все преграды, не прогибаясь перед сильными мира сего, не гонясь за популярностью у светской публики, и не стесняясь брать на себя всю ответственность, в том числе и за довольно жёсткие поступки, Муравьёв честно выполнял своё дело. Александр II, лично Муравьёва недолюбливавший, вынужден был под напором общественного мнения назначить Михаила Николаевича Наместником Северо-Западного края, включающегося в себя 7 губерний (Могилевскую, Витебскую, Минскую, Виленскую, Ковенскую, Августовскую, Гродненскую). В момент назначения М.Н. Муравьёва восстание было на подъёме, отношения с западными державами были обострены до предела. Но Муравьёв быстро и эффективно подавил мятеж.

Однако М.Н. Муравьёв не только воевал. Он прибыл в Литву и Белоруссию с определённой программой. Своей задачей генерал-губернатор ставил полную интеграцию края в состав империи. Главным препятствием этого было польское помещичье землевладение. Учитывая, что городское население края состояло, в основном, из евреев и поляков, единственной опорой русской власти в крае могло быть только белорусское и литовское крестьянство. В письме к министру внутренних дел П.А. Валуеву генерал-

губернатор писал: «Наделение землею и принятые по этому поводу меры имели целью, как устройство быта сельского населения, так и отнятие на будущее время у революции всех средств пользоваться стесненным положением крестьян» (Миловидов, 1901). Следовательно, для полной русификации края требовались поистине революционные меры по искоренению местного дворянства, и предоставление политических и социальных прав только что освобождённому крестьянству.

Сам М.Н. Муравьёв характеризовал содержание своих реформ следующим образом: «Русскому правительству следовало бы соорудить в Вильне памятник с надписью: «Польскому мятежу – благодарная Россия». Важнейшим, труднейшим и первостепенным делом в Северо-Западном крае является не укрощение мною польского, в сущности, бессильного мятежа, но восстановление в древнем искони русском Западном и Литовском крае его коренных, исторических, русских начал и бесспорного, преобладающего первенства над чуждыми России, пришлыми элементами» (Бендин, 2013).

Так, впервые через 70 лет после присоединения края к Российской империи петербургские власти стали проводить политику инкорпорирования этих земель в состав России. Однако, в силу многих обстоятельств эта политика не была доведена до конца.

Таким образом, упорная и ведущаяся с переменным успехом борьба закончилась не победой одной из сторон, а только тем, что польская сторона потеряла больше, утратив значительную часть своего влияния на жителей края. Впрочем, боли по этому краю до сих пор мучают значительную часть польской политической элиты. Прямым следствием реформ М.Н. Муравьёва является современная Белоруссия, в которой вплоть до второго десятилетия XXI века отсутствовало массовое русофобское политическое движение. Большинство белорусов рассматривали себя как часть единого с великороссами народа. В результате западным государствам пришлось приложить титанические усилия по воспитанию небольшой доли «змагаров». Не последнюю роль в этом сыграли польские элиты, используя свой историко-политический опыт по взращиванию украинского самостийничества в XIX веке. И только в российской политической элите в упор не видят проблем с Белоруссией, в значительной степени по причине исторического невежества. Данная работа, как надеется автор, внесёт некоторый вклад в дискурс об истории Литвы и Белоруссии, без чего мы не сможем понять их настоящее.

Список источников информации:

Аксаков, И.А. (2008). *Наше знамя – русская народность*. Москва: Институт русской цивилизации.

Алексюн, Н., Бовуа, Д., Дюкрё, М.-Э., Клочовский, Е., Самсонович, Г., Вандич, П. (2009). *История Центрально-Восточной Европы*. Санкт-Петербург: Евразия.

Артамонов, В. (2014, 5 марта). *Войско Польское и нашествие Наполеона на Россию*: [Электронный ресурс]. Извлечено 8 октября 2020 г. из https://zapadrus.su/rusmir/istf/975-vojsko-polskoe-i-nashestvie-napoleona-na-rossiyu.html

Белоруссия и Украина: История и культура. Ежегодник 2005/2006. (2008). Москва: Индрик.

Бендин, А.Ю. (2013, 2 февраля). М.Н. Муравьёв и русско-польский спор об идентичности Северо-Западного края Российской империи. *Научное обозрение OSTKRAFT*. Извлечено 21 октября 2020 г. из http://ostkraft.ru/ru/articles/287

Бокур, Ф. (2020, 26 сентября). Ответственность Польши в русской кампании. Трагическое заблуждение Наполеона. *Интернет-проект «1812». Музеи России*. Извлечено 12 октября 2020 г. из http://museum.ru/museum/1812/Library/Borodino_conf/2005/Bokur.pdf

Брюнон, Ж., Маню, Ж. (2003). *Иностранный Легион. 1831-1955*. Москва: Изографус, Эксмо.

Волончевский, М.-К. (1890-1907). *Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. (82 т. и 4 доп.)*. Санкт-Петербург.

Герцен, А.И. (2017, 5 мая) *Русским офицерам в Польше. 10 октября 1862 г.* Извлечено 19 октября 2020 г. из http://gertsen.lit-info.ru/gertsen/public/kolokol-1861-1863/article-239.htm

Гильфердинг, А.Ф. (1868). *Собрание Сочинений. Т 2*. Санкт-Петербург: печатня В. Головина.

Горизонтов, Л.Е. (1999). *Парадоксы имперской политики: Поляки в России и русские в Польше*. Москва: Индрик.

Даниэль Бовуа. (2011). *Гордиев узел Российской империи: власть, шляхта и народ на Правобережной Украине (1793-1914)*. Москва: Новое литературное обозрение.

Долгоруков, П.В. (1992). *Петербургские очерки. Памфлеты эмигранта*. Москва: Новости.

Дурова, Н.А. (1988). *Избранные сочинения кавалерист-девицы*. Москва.

Дьяков В.А. (ред.) (1964). *За нашу и вашу свободу. Герои 1863 года*. Москва: Молодая гвардия.
Зайцев, В.М. (1973). *Социально-сословный состав участников восстания 1863 года (опыт статистического анализа)*. Москва: Наука.
История Литовской ССР (С древнейших времен до наших дней). (1978). Вильнюс: Мокслал.
История русской армии от зарождения Руси до войны 1812 г. (2003). Санкт-Петербург: Полигон.
Коленкур, А. (1994). *Поход Наполеона в Россию*. Таллин, Москва: АО «Скиф Алекс».
Лебедев, С.В. (2004). *Охранители истинно русских начал. Идеалы, идеи и политика русских консерваторов второй половины XIX века*. Санкт-Петербург: Нестор.
Лебедев, С.В. (2019). *Этническая история регионов Украины*. Москва: Алетея.
Любимов, Н.А. (1889). *Катков и его историческая заслуга*. Санкт-Петербург: Общественная польза.
Бендин, А. Ю. (2016, 10 октября) *Социальные силы и религиозно-политические лозунги Польского восстания 1863 г. в Северо-Западном крае Российской Империи*. Извлечено 2 октября 2020 г. из https://ruskline.ru/analitika/2016/11/11/socialnye_sily_i_religioznopoliticheskie_lozungi_polskogo_vosstaniya_1863_g_v_severozapadnom_krae_rossijskoj_imperii/
Миловидов, А.И. (1901). *Освобождение крестьян Северо-Западного края и поземельное устройство их при графе М.Н. Муравьёве*. Вильна.
Муравьёв, М. (2005, 30 августа) *Удел поляков в истории: К юбилею польского профобъединения «Солидарность»*. Извлечено 15 октября 2020 г. из https://ruskline.ru/analitika/2005/08/30/udel_polyakov_v_istorii
Польша и Россия в первой трети XIX века. Из истории автономного Королевства Польского. 1815-1830. (2010). Москва: Индрик.
Срочиньский, Г. (2020, 9 июля). *Лещиньский: Простолюдина можно купить за миску чечевицы. Польская шляхта считает так столетиями*. Извлечено 12 октября 2020 г. из http://ursa-tm.ru/forum/index.php?/topic/355942-leschinskiy%C2%A0-prostolyudina-mozhno-kupit-za-misku-chechevitsy-polskaya-shlyahta-schitaet-tak-stoletiyami/
Тымовский, М., Кеневич, Я., Хольцер, Е. (2004). *История Польши*. Москва: Весь Мир.
Шильдер, Н.К. (1905). *Император Александр I. Его жизнь и царствование. Т. 4*. Санкт-Петербург.

Шильдер, Н.К. (1997). *Император Николай Первый. Его жизнь и царствование. Кн. 2*. Москва.

Эйдельман, Н.Я. (1970). *Лунин*. Москва: Молодая гвардия.

Эйдинтас, А., Бумблаускас, А., Кулакаускас, А., Тамошайтис, М. (2013). *История Литвы*. Вильнюс.

Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. Т. 23: Западный край. (1894). Санкт-Петербург: Типолитография И.А. Ефрона.

Kurier litewski. 1905. № 10. (на литовском)

Merkys, V. (1991). *Simonas Daukantas*. Vilnius: Vyturys. (на литовском)